

ИЮНЬ

Журнал «Аполлон». 1910. Май-июнь. № 8.

Май-июнь 1910 г. Казань.

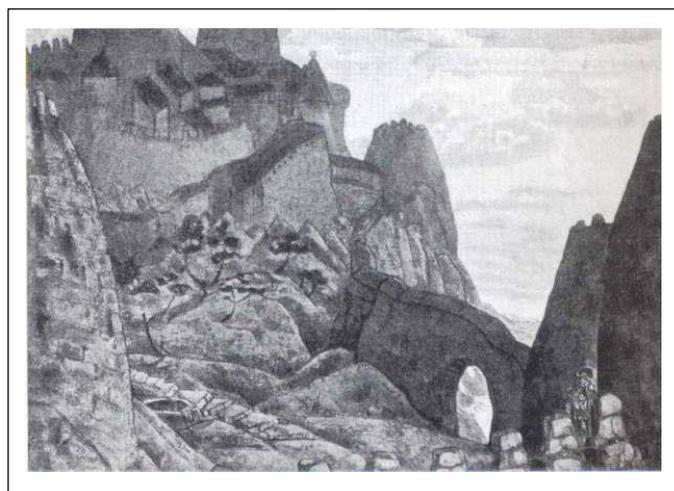
Художественная жизнь провинции

Выставка эскизов, этюдов и рисунков, организованная в Казани редакцией периодических сборников искусства «На рассвете», состояла из работ, к сожалению, не лучших и почти исключительно эскизных, но - лучших наших художников. Честь и слава устроителю. Казань, после ряда передвижных выставок и не совсем удачно организованной выставки «Современного искусства» на прошлой годней «международной», впервые увидела работы таких художников, как А. Бенуа, Б. Анисфельд, К. Петров-Водкин, Н. Рерих, Остроумова-Лебедева (всех работ было около 160).

Ю.Р.

Аполлон. Хроника. 1910. Май-июнь. № 8. С.37.

Помещена автотипия II. К. Рериха «Светлою ночью».

Н.К. Рерих. Светлою ночью.

Художественная жизнь Петербурга Съезды

За последнее время состоялся ряд собраний устроительного комитета Всероссийского съезда художников, предположенного на первые числа января 1911 года.

В настоящее время выяснена уже вполне обеспечивающая съезд финансовая сторона и вырабатывается, по составленной давно общей программе, детальный список лиц, намечаемых для докладов, для участия в отдельных подсекциях, пополняется перечень вопросов, необходимых для обсуждения. <...>

В устроительный комитет входят:

Председатель граф А. А. Голенищев-Кутузов, товарищ его гр П. С. Шереметев и члены: Ал. Бенуа, П. Вейнер, М. Добужинский, В. Георгиевский, В. А. Покровский, Н. К. Рерих, И. А. Фомин, А. В. Щусев. С 1-го июня начнутся изданиями труды предварительного комитета съезда художников . . .

Художественные школы

Выставка работ учащихся школы Общества поощрения художеств, благодаря энергичной деятельности директора школы Н. К. Рериха, в этом году значительно интереснее. Насколько работы учащихся Строгановского училища в Москве всё больше и больше уходят в заколдованный круг поклонения модерн-кустарно-русскому стилю - настолько ученики петербургской школы заинтересовываются самыми разнообразными ответвлениями искусства.

Работая в классе фарфорового производства (г-жа Досс), учащиеся дают чернильницы, подстаканники и т. п. в стиле Biedermeier, ампир, рококо, а в классе графики (И. Билибин) - уверенно-технические концовки, обложки, игральные карты, навеянные самыми разнообразными источниками: индусскими письменами, графикой Бирдсли, лубочными картинками... В классе композиции по прикладному художеству, Щуко, - особенно интересные работы на тему «поднос»: учениц О'Коннель и Лебедевой. Съёмка с натуры в музее под руководством того же преподавателя поставлена хорошо. Вообще руководство архитектора Щуко очень полезно для деятельности школы. Литография (Громов) дала мало самостоятельных работ. Зато неплохо репродуцирование (копировальное) акварелей и работ учащихся. Неважен класс лепки; ещё беднее класс офорта. Керамика (класс Герардова) грубоватого оттенка: бедны и формы, и краски. Резьба по дереву неудачна. Но довольно интересны (пока 2-3) работы по витражу: стёкла горят, умело подобраны по тональным пятнам и хорошо спаяны.

Этюдные классы — Ционглинского, Мясоедова и Бобровского. Лучший - последнего. В этюдах учеников Бобровского чувствуется верный, строгий, полный необходимых и неизбежных трудностей путь изучения рисунка, развития глаза.

В итоге - общее впечатление от этой выставки: в дело преподавания школы *постепенно и осторожно* вливаются новые жизнедеятельные соки, много работы, любви. Можно ещё сказать, что несколько женственен характер большинства работ, но это является следствием преобладания учениц (при этом значительно более талантливых, нежели ученики).

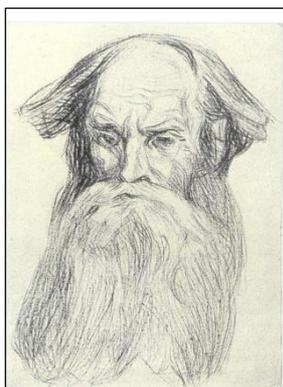
Л.

Аполлон. 1910. Май-июнь. № 8. С. 49-50.

Rossica

Июньский выпуск парижского журнала «L'Art et les artistes»¹ с разных сторон соприкасается с русской художественной жизнью. Как *pièce de résistance*¹ здесь помещена статья сотрудника «Аполлона» г. William Ritter'a о Н.К.Рерихе, снабжённая несколькими репродукциями с его произведений....

Аполлон. 1910. Май-июнь. № 8. С. 71-72.

Этюд старика. 1900-е.

(Репродукция в журнале: L'Art et les Artistes (Париж). 1910. Июнь. С. 120.)

3 июня 1910 г. Одесса.

Черноморская красавица (Одесса и её всероссийская выставка)

...Начнём с художественного отдела. С какого же начать, как не с художественного. Ему отведён особый павильон, выстроенный по проекту архитектора Щусева. Нельзя назвать особенно удавшимся это его детище, упомянутый архитектор интересен и самобытен, главным образом, в церковных мотивах.

Но, во всяком случае, павильон скромн, благороден, прост. Он не бросится в глаза, и в этом его достоинство.

Организатором отдела является г. Филиппов, киевский журналист и редактор туземного ежемесячника «В мире искусств». Не будь Филиппова, весьма может статься, не было бы совсем художественного отдела на одесской выставке. Этот несчастный отдел всегда у нас в загоне. Помню, в Льеже его наспех «стяпали» кое-как, а в Милане он и вовсе отсутствовал.

Итак, - лучше что-нибудь, чем ничего. Спасибо г. Филиппову. Но в то же время хочется его и пожурить слегка. Подбор картин слишком тенденциозный. Будь это кружковая, партийная выставка - никто и слова не возразил бы. Но здесь - здесь совсем другое дело. Здесь должен быть по мере сил всесторонний отчёт по русской школе за последние годы. А этого мы и не видели. Картины в подавляющем большинстве нового модернистского направления. Этюдам и композициям Рериха отведена особая комната. Это, слов нет, симпатично, ибо Рерих - живописец талантливый, и почему же подробней не ознакомить с ним одесскую публику? Но в то же время резко бросается в глаза отсутствие Репина, Поленова, Виктора Васнецова, братьев Маковских. Или же, наконец, если уже на то пошло, где же такие крупные модерни-

¹ Основное блюдо (фр.) – *Ред.*

сты, как Головин и Бакст? Их нет. Зато можно указать незначительные вещицы незначительных художников с неведомыми никому именами....

Ник. Брешко-Брешковский

Биржевые ведомости. 1910. 3/16 июня. Вечерний выпуск. № 11745. С. 4.

3 июня 1910 г. СПб.

Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины.

Литература и искусство

В Петербурге, как передаёт «Речь», учреждено новое художественное Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. Учредителями Общества являются видные общественные деятели и художники. Среди учредителей значатся: бывший председатель Гос. Думы Н. А. Хомяков, А. Ф. Кони, ректор Высшего художественного училища В. А. Беклемишев, член Гос. совета Б. И. Ханенко, П. Е. Рейнбот, Н.К.Рерих, С. К. Маковский, кн.В. Н. Аргушинский-Долгоруков, бар. П. Ф. Мейендорф и др.

Новое Общество имеет целью защищать памятники искусства и старины, имеющие художественное, бытовое и историческое значение, от разрушения и искажения, а также сохранить их в России. Под словом «искажение» Общество понимает всякое изменение внешнего или внутреннего вида памятников, не вызванное крайней необходимостью. Признавая необходимость самого заботливого ремонта, Общество считает реставрацию, как восстановление первоначального вида памятника, нежелательной и допустимой лишь в особо исключительных случаях.

Новое художественное Общество будет собирать материалы о всех памятниках искусства и старины, а также сведения о мерах к их охранению, устраивать провинциальные отделения, издавать свой журнал и т. д. председателем общества состоит великий князь Николай Михайлович, товарищами председателя Е.Н.Волков и Александр Н. Бенуа, секретарём - бар. Н. Н. Врангель, а казначеем - кн. С. В. Оболенский.

Киевлянин. 1910. 3 июня. № 152. С.3.

6 июня 1910 г.

О новых приобретениях Третьяковской галереи.

Литература и искусство

Советом городской художественной галереи имени братьев Третьяковых в Москве представлены в городскую управу сведения о новых приобретениях галереи. Приобретены картины: Рериха «Бой», Головина «Шаляпин в роли Олоферна», пять акварелей В. М. Васнецова, Боровиковского «Портрет генерала-аншефа Лунина», В. А. Тропинина «Портрет Пушкина», писанный с натуры в 1827 г., Яковлева «Кукла» и Врубеля акварель «Наяда». Число посетителей галереи за 1909 г. было 168 867 человек.

Киевлянин. 1910.6 июня. № 155.С. 4.

6 июня 1910 г.

О русском художественном отделе на выставке в Брюсселе

Бельгийское Министерство изящных искусств и наук обратилось к нашей Академии художеств с предложением устроить русский художественный отдел на международной выставке в Брюсселе. Почтенная Академия художеств отклонила от себя это предложение, и Министерству пришлось искать частного организатора русского отдела. Сговорилось оно с С. Маковским, энергичным художественным деятелем, редактором журнала «Аполлон», к слову сказать - более известным за границей, в особенности во Франции и Бельгии, чем в России. Пока бельгийцы списывались с Академией художеств, время ушло, и Маковскому пришлось собрать отдел в очень короткий срок. Надо заметить, что время для устройства, помимо спешности, было выбрано крайне неудобное: столько выставок пооткрылось по нашей провинции, что мастерские наиболее интересных и талантливых художников положительно очищены дотла. Кроме того, тот же С. Маковский почти одновременно с бельгийской выставкой был приглашён устроить художественную русскую выставку в парижской галерее Бернгеймов - приходилось набирать произведения и на ту, и на другую выставку.

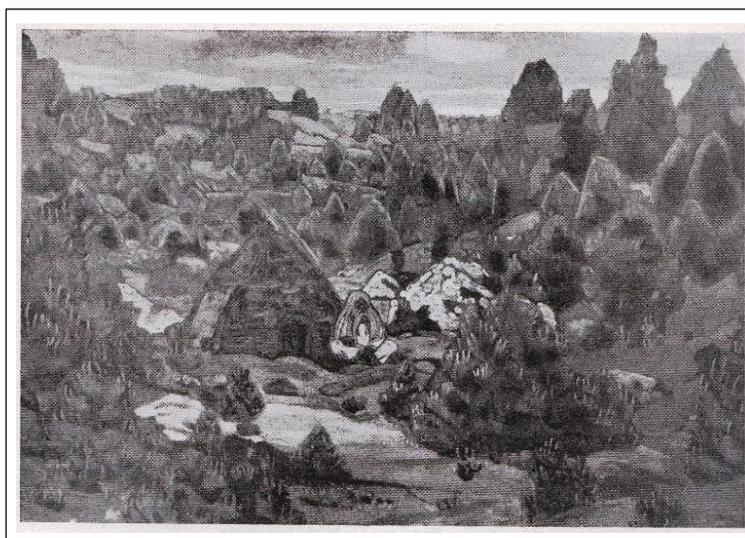
В довольно удобной, уютной, с хорошим освещением комнате, отведённой бельгийцами для русского художественного отдела, С. Маковский собрал работы следующих художников: Л. Бакста, Н. Рериха, И. Билибина, М. Добужинского, А. Головина, Ал. Гауша, Н. Крымова, Г. Лукомского, Б.Кустодиева, Н. Милиоти, А. Остроумовой-Лебедевой, К. Петрова-Водкина, В. Фалилеева, Н. Тархова, кн. А. Шервашидзе, К. Юона, И. Фомина и К. Богаевского.

По перечисленным художникам видно, что небольшой отдел русского искусства, составленный внимательно и - в пределах возможного - довольно характерно, действительно минимален....

Ив. Лазаревский

Запросы жизни. 1910. 6 июня. № 21. Стб. 45(1293)-48(1296).

Публикуется по изд.: Николай Рерих в русской периодике. Вып. VI. СПб. 2007.

Н.К. Рерих. У Дивьего камня неведомый старик поселился. 1910.
(Ч/б. воспроизведение в монографии С. Эрнста)

9 июня 1910 г. Одесса.

Художественный отдел

Рерих представлен на выставке 35 вещами (№ 136 – 169). Но из большого числа выставленных вещей, быть может, только три-пять дают истинное представление об этом интересном, своеобразном художнике.

Певец безликих каменных громад, певец безликого доисторического человека, человечества каменного века узнаётся только в этих трёх-пяти полотнах.

Остальная же масса – очень мало характерна для Рериха.

Интересно «Идолское место», очень интересен «Каменный век» (№ 147), великолепен другой «Каменный век» (№ 158), останавливает «Варяжский мотив» (№ 164), полон мрачной иронии «Ворон» (156), совсем старый и так хорошо знакомый нам Рерих в «Монастыре» (Печора)» (№ 157).

Всё остальное – мало интересно.

<.....>

Ив. Чужанов

Одесский листок. 1910. 9 июня. № 130. С. 3.

Публикуется в сокращении по изданию: Николай Рерих в русской периодике. Вып. VI. СПб. 2007.

15 июня 1910 г.

Выставка русских художников в Париже

Вчера в залах Бернгейма, открылась небольшая выставка русских художников.

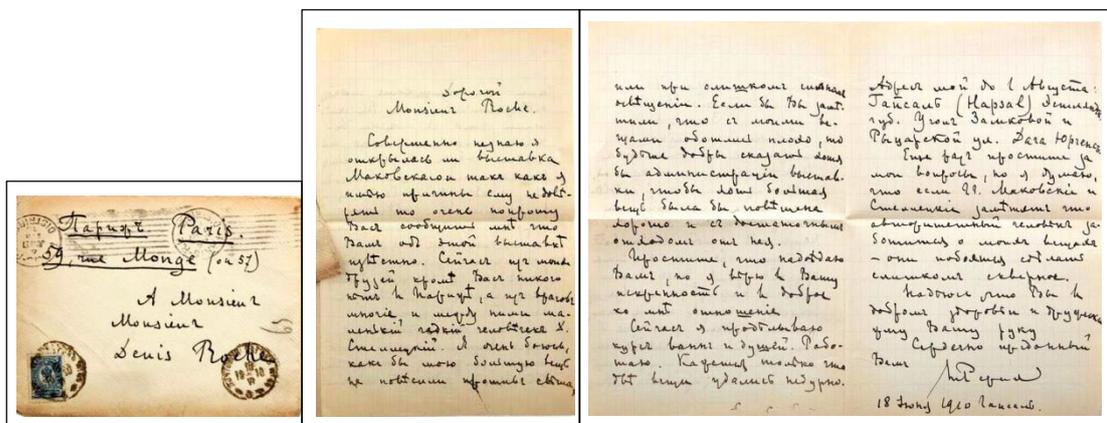
Участвуют преимущественно представители так называемых «левых» художественных кружков: Рерих, Бакст, Стеллецкий, Александр Бенуа, Головин, Кустодиев, Билибин, Богаевский, Петров-Водкин, Судейкин, Добужинский и др. Большинство выставленных картин и рисунков было в Петербурге на выставке «Союза русских художников».

Выставка очень усердно посещается парижанами, благо за вход денег не берут.

Петербургская газета. 1910. 15 июня. № 161. С. 3.

18 июня 1910 г. Гапсаль

Письмо Н.К. Рериха к Денис Роше

Париж Paris. 59, Rue Monge (ou 57)

A Monseigneur
Monseigneur Denis Roche

На штемпеле дата: 19 18/VI 10

Дорогой Monseigneur Roche,

Совершенно не знаю я, открылась ли выставка Маковского, и так как я имею причины ему не доверять, то очень попрошу Вас сообщить мне, что Вам об этой выставке известно. Сейчас из моих друзей, кроме Вас, нет в Париже. А из врагов многие, и между ними маленький гадкий человечек Стеллецкий. Я очень боюсь, как бы мою большую вещь не повесили против света, или при слишком сильном освещении. Если бы Вы заметили, что с моими вещами обошлись бы плохо, то будьте добры сказать хотя бы администрации выставки, чтобы хоть большая вещь была бы повешена хорошо и с достаточным отходом от неё.

Простите, что надоедаю Вам, но я верю в Вашу искренность и в доброе ко мне отношение.

Сейчас я проделываю курс ванн и душей. Работаю. Кажется, только что, две вещи удались недурно.

Адрес мой до 1 Августа: Гапсаль (Hapsal) Эстландск. губ. Угол Замковой и Рыцарской ул. Дага Юргенс.

Ещё раз простите за мои вопросы, но я думаю, что если г.г. Маковский и Стеллецкий заметят, что авторитетный человек заботится о моих вещах – они побоятся сделать слишком скверное. Надеюсь, что Вы в добром здоровье и дружески жму Вашу руку.

Сердечно преданный Вам,

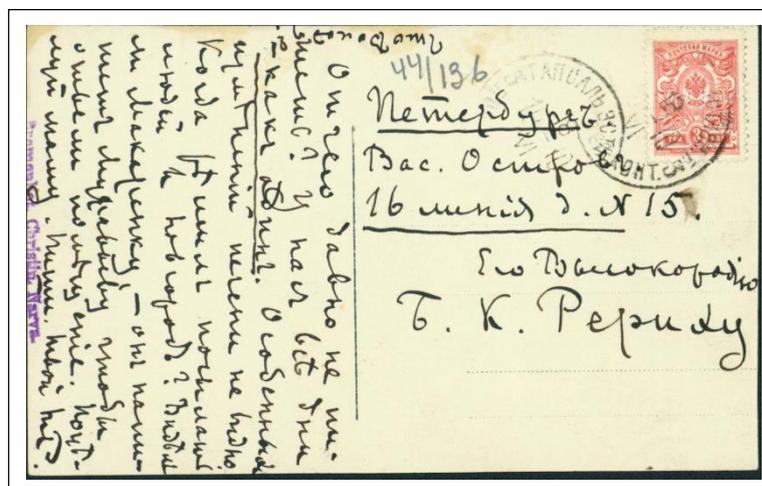
[Н. Перих]

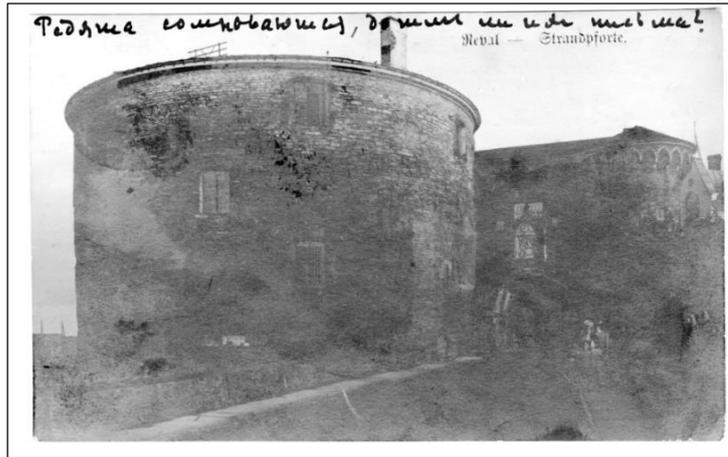
18 Июня 1910 Гапсаль.

Аукцион. Апрель 2019. Монако.

18 июня 1910 г. Гапсаль

Открытое письмо Н.К. Рериха к Б.К. Рериху

Открытое письмо с ч/б. фото с надписью: *Neval - Strandforte*

Петербург. Вас. Остр. , 16 линия д. № 15
Его Высокородию Б. К. Рериху

Отчего давно не пишешь? У нас все дни, как один. Особенных изменений печени не видно.

Когда решил посылать людей в Новгород? Видел ли Макаренку, - он напишет Муравьеву, чтобы отвели помещение. Поцелуй маму. Пиши.

Твой *НР*

Ребята сомневаются, дошли ли их письма?

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/136, 1 л. На штемпеле дата: 18. VI. 1910 г.

19 июня 1910 г. Устилуг - Ля Боль. 29 июня (12 июля) 1910²
Письмо И.Ф. Стравинского к Н.К. Рериху.

м. Устилуг 19/VI ст. ст. 1910.

Дорогой Николай Константинович! Только что вернулся в Устилуг из Парижа, как еду завтра же обратно с женой и детьми. Такая исключительная поспешность вызвана желанием жены увидеть и услышать хоть раз Жар Птицу, которая в последний раз пойдёт в четверг 24/VI ст. ст. Впрочем, Вас надо посвятить в наши грандиозные планы, о которых Вы ещё ничего не знаете. Дело в том, что мы будем проводить весь год до следующей весны за границей. Сперва едем в Бретань, куда и прошу Вас адресовать по след. адресу:

M-e. Strawinsky, villa Mauricette, La Baule, Loire inferieure (Bretagne) France.

Там будем до осени. Осенью едем в Лозанну, где пробудем до 1-го ноября нов. ст. С 1-го нояб. по 1-е апр. живём в Больё (*Beaulieu*) около Ниццы. Вот ваши планы. Недурно?

² Послано в СПб., откуда переслано в Новгород на Городище, где Рерих в то время производил археол. раскопки. Получено 9 (22) июля 1910.

Теперь, вот что. Моя Жар Птица имела большой успех в Париже, но оказалась вещью столь трудной, что представляется положительно невозможным играть её в этом году где-либо *в ином месте* (оркестровых репетиций было 9 - достаточно сказать это, чтобы понять, что в этом сезоне разучивать с новым оркестром немислимо). Единственно, что было в силах сделать - это удвоить число представлений, но и это не в полной мере удалось, и поэтому дадут всего лишь 2 *supplémentair'a*, после очередных 3-х абонементов - 22-го и 24 (вторн. и четв.) VI. Вот к 24-му, т. е. к четвергу, мы как раз и поспеем.

Успех Жар Птицы, понятно сильно окрылил Дягилева в смысле дальнейшей совместной деятельности, и потому я не без основания полагал, что рано или поздно (относительно, конечно) придётся ему объявить о нашем с Вами заговоре. Обстоятельства не заставили долго ждать этого. Дягилев предложил мне писать новый балет, на что я ответил, что занят уже сочинением нового балета, о сюжете которого не желал бы до поры до времени говорить. Дягилева это взорвало! Как, говорит, от меня секрет? От меня, мол, все делают секреты, то Фокин, то Вы (т. е. я) - я ли, мол, не из кожи лезу etc, etc, etc...

Делать нечего, вижу, что не выкрутиться, прошу только не разглашать и говорю, что я, мол, с Рерихом задумали нечто. Он (Дяг.) с Бакстом в восторге, Бакст говорит, что это очень благородно с моей стороны! (?) Я так думаю, что они опасались Бенуа, то есть, моих секретных заговоров с Бенуа, о кот. в виде предположения сейчас же сказал Дягилев и что очень обидело бы его.

Кончаю письмо в La Vaul'e, ибо не было времени его кончить в Париже, где мы пробыли 3 дня. Жар Птица имела всё тот же большой успех, чему конечно я очень рад. Но должен сказать, что то, что касается Головина и освещения, обстояло не совсем благополучно. Когда увидели балет в костюмах Головина с его прекрасной декорацией, то по крайней мере мне, как впрочем и многим (Андрею Корсакову, кот. поспел на последний спектакль в четверг вместе с Колей Рихтером) стало ясно, что в сущности ничего из наших с Фокиным планов о Кашеевой жути не вышло: музыка с танцами была сама по себе, а лица в костюмах - сами по себе — просто наряжённые актёры. Очень, очень грустно - освещение, которым заведовал сам Дягилев, дабы спасти балет, было тоже неважно, и подчас просто невпопад. Дело в том, что дирекция «Орега» вредила нам в чём только могла, ибо она не хотела отдавать театра для русских спектаклей, и сделано это было разными Comtess'ами Greful и C-mp. (патронажем).

Теперь обстоятельства сложились так, что Дягилев с Фокиным как будто бы форменно разошлись. Я хочу сделать так, чтобы меня это не касалось. Дягилев имел бестактность мне сказать, что вопрос участия Фокина в Великой Жертве решается очень просто - заплатить ему и конец. Но дело в том, что Дягилев даже не поинтересовался узнать, хотим ли мы работать с кем-либо иным.

Он думает, что если с Фокиным не удастся примириться, то он (Дягилев) будет работать с Горским, о кот. я впервые услышал. Быть может Горский гений, но не думаю, чтобы Дягилеву было безразличным потерять Фокина. Фокина приглашают в Америку на очень выгодных для него условиях. Дягилев собирается также в Америку наколотить деньгу. Вот понимаете и выходит, что один другому должен перегрызть горло. Я счастлив, что уехал от всей этой

сутолоки и омерзительной закулисной жизни. Она воняет, а я предпочитаю запах сосны и моря.

Живу теперь, как видите, в La Baule на Атлантическом океане. Место очень скромное, переполненное детьми всякого возраста. Дорогой из Устилуга в Париж вспоминал Вас по различным поводам, в особенности же по поводу Вашей правоты, в смысле выбора маршрута Варшава - Берлин - Париж. Конечно же, Вы правы! Извиняюсь за спор по телефону.

Теперь вот что! Я утерял тот листок, где записал либретто "Великой жертвы". Ради Бога, пришлите мне его тотчас заказным вместе с листком-памяткой, кот. я у Вас оставил и не взял при отъезде.

Адресую Вам по петербургскому адресу, ибо Вы мне не написали Вашего Гапсальского, что очень досадно. В ожидании Вашего ответа жму Вашу руку, троекратно лобызая Вас.

Крепко любящий Вас

Игорь Стравинский.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/1339, 2 л.

26 июня 1910 г.

Всероссийский съезд художников

В 1911 году под Высочайшим покровительством Государя состоится в Петербурге Всероссийский съезд художников.

№ 1 Вестника этого съезда под редакцией С.Ф. Годлевкого знакомит нас как с идеей возникновения съезда, так и с выработанными уже формами его осуществления. Съезд этот служит как бы продолжением бывшего в 1894 году «Съезда русских художников и любителей художеств» и является тем более необходимым, что за это время выдвинулась масса новых неотложных и неразрешённых нужд и вопросов. Под председательством графа А.А. Голенищева-Кутузова в помещении Императорского Общ-ва любителей древней письменности 22 марта минувшего года состоялось первое заседание организаторов съезда с многочисленными приглашёнными для выработки программы. Среди участвовавших были: Алекс. Бенуа, Вик. М. Васнецов, редактор художественного журнала «Старые годы» П.П. Вайнер, М.В. Добужинский, Н.З. Панов, Н.К. Рерих, И.А. Фомин, талантливый архитектор А.В. Щусев и многие другие. По телеграфу из Киева присоединился и М.В. Нестеров, а от В.Д. Поленова получено было письмо с «сочувствием начинанию». <...>

Лица, желающие принять участие в съезде, заявляют по нижеуказанному адресу о своём желании быть его членом письменно, с обозначением отделов, в которых они желают участвовать, своего имени, отчества и фамилии и звания. Членский взнос – 5 руб. Канцелярия съезда: в Императорском Обществе любителей древней письменности, СПб., Фонтанка. 34. Для участников съезда предложено исходотайствовать льготы тарифа. Записавшимся участникам съезда бесплатно высылаются «Вестник съезда». Повторяю, значение съезда настолько бесспорно и выдвинутые вопросы настолько насущны для всякого, кому хоть мало-мальски дорого родное искусство, что, нужно надеяться, цели съезда найдут искреннее сочувствие и в широких слоях нашего общества.

Е. Кузмин

Киевские вести. 1910. 26 июня. № 171. С. 2.

[28-29 июня 1910 г.]

Письмо Н.К. Рериха к Е.И. Рерих

Паллифер

Сижу и изучаю облака. Мой дорогой Мис сказал, что ему такие нравятся. Жарко. Думаю, как Вы поехали домой. Скучно спать будет? Что Юшка, очень сердился?

Ристи.

Оказывается, в СПб. приеду только в 10 часов. Сейчас купил на 10 коп. земляники. Крупная. Сейчас 8 час. 10 м. – верно, спать ложатся ребята, а что Ты будешь делать? Неужели касторовое? Ой, ой!

Ризенберг.

Уже темнеет. Читаю Огонёк. Вспоминаю, что Мис говорит, что каждую минуту будет беспокоится за меня. Покойной ночи, мой милый, дорогой Мисик. Я Тебя очень люблю, гораздо больше чем прежде.

Ревель.

Стоим час. Выпил чаю. В 11 ч. 20 м. тронемся. Верно, уже легла спать. Отъезжаем. Я сейчас тоже улягусь. Около Ревеля белое море тумана.

Сейчас еду к Архипу. Квартира в порядке. Менять обоев не надо. Сижу у Арх. Он дремлет. Стонет. Воспаление лёгких, но припадки лучше. Все измучены. Жену прогнал. Вчера проклял Зарубина. Я думаю, что психическое. Говорит: великий человек умирает. Нынче ночь просидим у него. Дня три придётся пробыть. Говорят от него уехать очень трудно. Пишу на колене.

Боря в Луге. Ждут его сегодня. Видел Макаренко. Врангель рассказывает, что Ты его называешь сумасшедшим. Ему будто рассказал Лукомский. Маковский в СПб. В квартире всё ладно. Обои хороши.

Гоген³ нашёл балку хорошей.

Проснулся Арх. Сперва ругал. Потом: «уже одно Ваше присутствие для меня счастье». Вид страшный. Не знаю, как уйду. Не знаю, что ему сделать лучше. Телефон, что Боря приехал. При первой возможности пошлю письмо.

Целую

Н. Рерих

Очень тяжело.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/368, 2 л.

³ Александр Иванович Гоген (фон) – академик архитектуры, совместно с Н.К. Рерихом работал над проектом надстройки верхнего этажа здания ИОПХ.

[30 Июня 1910 г. СПб.]
Письмо Н.К. Рериха к Е.И. Рерих

Милый Мис, сейчас 8 час. вечера. До 11 час. посижу на 16-й [линии], а потом от 11 час. до 7 утра будем с Зарубиным сидеть у Архипа и слушать его безумные речи. К сожалению, он именно в таком состоянии, в каком был отец мой месяцев за 5 за 4 до смерти. С трудом можно понять, что он говорит. Про жену говорит вещи ужасные. Физическое состояние его лучше. Потерял стыд <.....>. Жена его терзается уже от его отношения. Правду говорит Зарубин, что около Архипа он сам сходит с ума. У меня тоже делается такое отчаянное состояние. Бертенсон сказал, что он может прожить до 5 лет. При Залемане и при Позене рассказал, что он написал мою картину «Гонцы» – самую лучшую картину. Словом, всех разговоров и не передать. Зарубин говорит, что эту ночь он будет шуметь очень.

Думаю, что поеду в Субботу утром в Новгород. Конечно, если будет возможно. Жара здесь сильная. Но воздух не очень душный. Борю видел только мельком. Вот сейчас он должен прийти. Макаренко говорил, что в Эрмитаже идут всякие ссоры.

Пошлю это письмецо вечером сегодня. Может тоже завтра дойдёт.

Интересно, когда дойдёт письмо, посланное 30-го в 9 час. вечера.

Завтра в 2½ буду у Двукраева. Нашёл на столе отзывы о Париже – меня хвалят.

Значит, у Архипа я был с 11 дня до 3 час., затем с 5 до 7½ ч. и 11 ч. веч. до 7 утра. Что же это такое? Только что он наполнил комнату звуками, а через 4 минуты говорит всем, не издавайте громко звуков. Ужас!

Пиши ещё записочку в СПб. Может быть, в Субботу получу. Целую Вас всех крепко. Что делать, не знаем.

Боря едет в Новгород.

Мис, мой милый!

Твой Н. Р.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/251, 2 л.

«В конце июля Комиссия Допетровского музея начнёт раскопку южной стороны Детинца, где стояли княжеские терема, а также пять старых храмов...»

ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД

- «Бояху-бо ся зверинога их нрава», — замечает о новгородцах Никоновская летопись.

Боялись князья идти управлять сильными, непокойными ильменцами.

Но напороочила Марфа Посадница. Стал Великий Новгород самым скромным, самым тихим из русских городов.

Притаился.

Скрыл свой прежний лик. Никто не представит себе, как тянулся великий, пестрый, шумный Ганзейский город на версты до Юрьевского монастыря, до Нередицы, до Лядки. Никто не признает жилым местом пустые бугры и низины, сейчас охватившие Новгород.

Даже невозможно представить, чтобы когда-нибудь новгородцы:

- «Были обладателями всего Поморья и до Ледовитаго моря и по великим рекам Печоры и Выми и по высоким непроходимым горам во стране, зовомой Сибирь, по великой реке Оби и до устья Беловодных реки: тамо бо берущи звери дики, серечь соболи».

Трудно поверить, как ходили новгородцы до моря Хвалынского (Каспийского) и до моря Венецийского.

Невообразимо широк был захват новгородских «молодых людей». Молодая вольница непрерывно дерзала и стремилась. Успех вольницы был успехом всего великого города. В случае неудачи старейшинам срама не было, так как бродили люди «молодые». Мудро!

Но везде, где было что-нибудь замечательное, успели побывать новгородцы. Отовсюду всё ценное несли они в новгородскую скриню. Хранили. Прятали крепко.

Может быть, эти клады про нас захоронены.

В самом Новгороде, в каждом бугре, косогоре, в каждом смыве сквозит бесконечно далёкая обширная жизнь.

Чёрная земля насыщена углями, черепками, кусками камня и кирпича всех веков, обломками изразцов и всякими металлическими остатками.

Проходя по улицам и переулкам города, можно из-под ноги поднять и черепок X — XII века, и кусок старовенецианской смальтовой бусы, и монетку, и крестик, и обломок свинцовой печати...

Глядя на жирные пласты прошлых эпох, не кажется преувеличенным сообщение В. Передольского, что жилой слой новгородской почвы превышает семь саженей.

Вы идёте по безграничному кладбищу. Старое, изжитое место. Священное, но ненужное для жизни.

Всякая современная жизнь на таком священном Кургане кажется неуместной, и, может быть, не случайно сейчас глубоко усыплен временем Великий Новгород.

Пора серьёзно опять обратиться к старому Новгороду.

Обстоятельства создают и собирателей. Но их мало.

Собрание Передольского с его широкими, но путанными замыслами лежит под спудом, а между тем оно важно для Новгорода так же, как собрание Плюшкина близко Пскову.

Да оно и много лучше собрания Плюшкина.

Следует помогать таким собирателям. Но не хватит у города находчивости из этих собраний сделать продолжение своего расхищенного музея.

Поймут ли «отцы города», что в их руках сейчас не рыбное, не лесное, не хлебное дело, а единственное подлинное сокровище — бывшее Новгорода со всеми его останками?

В 1911 году Великий Новгород будет праздничным.

После долгих сомнений справедливо решено собрать и в Новгороде археологический съезд.

Во главе съезда опять будет отзывчивая гр. П. С. Уварова. Она умеет поднимать людей, умеет и взять дело пошире. В ней есть то, чем «любитель» часто одолевает «специалистов». Ко времени съезда Новгороду придётся показать многое из того, что скрыто сейчас.

Моё предложение образовать музей допетровского искусства и открыть всероссийскую подписку на исследование Новгорода, древнейших городов русских было встречено очень многими сочувственно.

Мне кажется, не откладывая, следует всеми силами начать собирать средства.

Находки из этих исследований, — а их будет огромное количество, — должны поступить в музей допетровского искусства и быта. Как ни странно; но до сих пор в столице нет многоцельного историко-бытового музея.

Отдельные находки сосредоточены в Эрмитаже, в археологическом обществе и археологическом институте. Небольшие отделы находятся в Академии наук, в артиллерийском музее, в хранилищах университета, но всё это разрознено, часто трудно доступно.

Нужен в Петербурге музей, равный по значению московскому Историческому. И России, где находки ещё только начинают выявляться, следует подумать о материалах для такого хранилища. Конечно, начнём с Новгорода и Киева.

Несколько обществ, несколько издательств могут приняться за это большое культурное дело.

В первую голову принялось за дело исследования городов общество архитекторов-художников, которое собирается в Академии Художеств в Петербурге. И это правильно.

Вот почему. Во-первых, исследование городов должно быть ближе всего зодчим. Они творцы лица государства.

Зодчим поручается многое в укладе нашей жизни — велико должно быть к ним и доверие. Именно зодчим должны быть ведомы условия нарастания городов. Они больше других должны чувствовать всю захороненную житейскую мудрость прежних устройств.

Строительная молодёжь, которая собирается вокруг общества архитекторов-художников, будет крепнуть на таких исторических изысканиях, развивая свой вкус и опыт для нового творчества.

Во-вторых, общество архитекторов-художников молодо. Пока - вне всяких скучных запретительных традиций. Общество быстро развивается и не боится новых дел. В общество охотно идут, и таким путём складывается кадр многосторонний, пригодный для крупных начинаний. Молодому обществу удалось уже многое спасти, многое выяснить. Зоркие молодые глаза усмотрели уже много вандализмов и громко указали на них.

Обществу покровительствует Великая Княгиня Мария Павловна, новый президент Академии Художеств. Великая Княгиня с большим рвением занялась новой работой. Она окажет самое горячее покровительство широкому общегосударственному делу, близкому каждому любителю искусства и старины.

Следует начать подписку. Помощь будет.

Уже в 1911 году к съезду работа может дать первые результаты.

В конце июля Комиссия Допетровского музея начнёт раскопку южной стороны Детинца, где стояли княжьи терема, а также пять старых храмов. В то же время возможна раскопка и на старом городище, где долгое время жили княжьи семьи.

Люблю новгородский край. Люблю всё в нём скрытое. Всё, что покоится тут же, среди нас. Для чего не надо ездить на далёкие окраины: не нужно в

дальних пустынях искать, когда бездны ещё не открыты в срединной части нашей земли. По новгородскому краю всё прошло.

Прошло всё отважное, прошло всё культурное, прошло всё верящее в себя. Бездны нераскрытые! Даже трудно избрать, с чего начать поиски.

Слишком много со всех сторон очевидного. Чему дать первенство? Упорядочению церковей, нахождению старых зданий, раскопкам в городе или под городом в самых древних местах?

Наиболее влекут воображение подлинный вид церковей и раскопка древнейших мест, где каждый удар лопаты может дать великолепное открытие.

На рюриковском городище, месте древнейшего поселения, где впоследствии всегда жили князья с семьями, всё полно находок. На огородах из берегов беспрестанно выпадают разнообразные предметы, от новейших до вещей каменного века включительно.

Чувствуется, как после обширного поселения каменного века на низменных Коломцах при впадении Волкова в Ильмень, жизнь разрасталась по более высоким буграм через Городище, Нередицу, Лядку — до Новгорода.

На Городище, может быть, найдутся остатки княжьих теремов и основания церковей, из которых лишь сохранилась одна церковь, построенная Мстиславом Владимировичем.

Какие поучительные таблицы наслоений жизни может дать исследование такого старинного места. Обидно, когда такие находки разбегаются по случайным рукам.

Кроме Городища целый ряд пригородных урочищ спорит о древности своего происхождения.

Коломны (откуда Передольский добыл много вещей каменного века), Лядка, Липна, Нередица, Сельцо, Раком (бывший дворец Ярослава), Мигра, Зверинцы, Вяжищи, Радятина, Холопий городок, Соколя Гора, Волотово, Лисичья Гора, Ковалёво и многие другие урочища и погосты ждут своего исследователя.

Но не только летописные и легендарные урочища полны находок.

Прежде всего, повторяю, сам город полон ими. Если мы не знаем, чем были заняты пустынные бугры, по которым, несомненно, прежде тянулось жильё, то в пределах существующего города известны многие места, которые могли оставить о себе память.

Ярославле Дворище (1030 г.), Пятрятино Дворище, Двор Немецкий, Двор Плесковский, два Готских Двора, Княжий Двор, Гридница Питейная, Клеймяные Сени, Дворы Посадника и Тысяцкого, Великий Ряд, Судебная Палата, Иноверческие ропаты (часовни), Владычни и Княжьи житницы, наконец, дворы больших бояр и служилых людей — все эти места, указанные летописцами, не могли исчезнуть совсем бесследно.

На этих же местах внизу лежит и целый быт долетописного времени.

Всё это не исследовано.

Дико сказать, но даже Детинец новгородский и тот не исследован, кроме случайных хозяйственных раскопок.

Между тем Детинец весьма замечателен. Настоящий его вид не многого стоит. Слишком всё перестроено.

Но следует помнить, что место Детинца очень древнее, и площадь его, где в вечном поединке стояли Княж-Двор, и с Владычной стороны св. София видела слишком многое.

Уже в 1044 году мы имеем летописные сведения о каменном Детинце. Юго-западная часть выстроена князем Ярославом, а северо-восточная — его сыном св. Владимиром Ярославичем. Хорошие, культурные князья! От них не могло не остаться каких-либо прекрасных находок.

Словом, огромный новгородский курган не раскопан. Можете начать его, откуда хотите, откуда удобнее, откуда более по средствам и силам. Хотите ли заняться восстановлением церквей? У вас тоже есть всюду работа, так как в каждой старой церкви что-нибудь нужно во имя искусства исправить.

Возьмём, что легко вспомнить.

Красивая церковь Петра и Павла на Софийской стороне испорчена отвратительной деревянной пристройкой. Уровень храма был на целый этаж ниже. На стенах, несомненно, были фрески.

В церкви Фёдора Стратилата у Ручья замазаны фрески. Их следует открыть.

В Николо-Дворищенском соборе на стенах совершенно непристойная живопись. Были фрески: вероятно что-нибудь от них сохранилось.

У Фёдора Стратилата на Софийской стороне замазаны цветные изразцы.

В Благовещенской церкви на Рюриковом Городище фрески далеко не исследованы.

Также не исследованы вполне стенописи в Волотове и Ковалёве. В Ковалёве ясно видны три слоя живописи. На них нижний слой, конечно, наиболее интересен.

Можно привести длинный список всего, что нужно исправить в церковной старине Новгорода.

Длинен мог бы быть и список непоправимого.

Умерло многое уже на наших глазах.

Под непристойной работой Сафоновской артели стоит Софийский храм. Приезжие иностранцы недоумевают о такой невообразимой для первоклассного собора росписи. Чуждыми и странными кажутся случайно сохранившиеся ещё иконостасы и отдельные иконы.

Без горести нельзя вспомнить о погибшей внешности Нередицкого Спаса. Сиротливо стоит Новгородская глава на новых византийских плечах. Нелепы византийские формы при глубоко ушедших в землю фундаментах. Нестерпимо сухи вновь пройденные карнизы и углы.

Смотрю на Спаса и ещё раз мысленно говорю Покрышкину, что он сделал со Спасом прескверное дело. Поступил не по-христиански.

На собрании общества архитекторов-художников после моего доклада о Спасе Покрышкин только сказал: «дело вкуса».

Он прав. Ничего другого ему сказать не оставалось. И на это сказать тоже нечего. Станный бедный вкус!

В середине Спаса теперь часто копошатся художники.

Зарисовывают.

Вспоминаю, что во время моих первых поездок по старой Руси не встречалось так много работающих над стариной.

Значит, интерес растёт. Наконец-то!

Случайная встреча ещё раз подсказывает, что в Новгороде искать надо.

Ехали мы на Коломец к Ильмену.

От Юрьевского скита закрепчал «боковик». Зачихала вода по бортам. Перекинуло волну. Залило. Затрепетала городская лодка. Подозвали мы тяжёлую рыбачью ладью, в ней пошли на Коломец.

Старик рыбак держал рулевое весло. За парусом сидела дочка. На медном лице сияли белые зубы.

Спросили её:

- Сколько лет тебе?

- А почём знаю.

- Да неужели не знаешь. Ну-ко, вспомни. Подумай!

- Не знаю, да, верно, уже больше двадцати.

И сидели рыбаки, крепкие. Такие помирают, но не болеют.

На Коломце скоро заторопил старик обратно:

- А то, слышь, уеду! Лодки-то сильно бьёт! Заспешили. Забрались на рыбачью корму, но городская лодка с копальщиками не сходила с берега.

Трое гребцов не могли тронуть её.

- Али помочь вам? Садитесь вы все! - пошла по глубокой воде дюжая новгородка.

Взялась за лодку и со всеми гребцами легко проводила в глубину. С воды прямо взобралась на корму. Суцая Марфа Посадница.

А рядом, на высокой корме, сидел её старик. Суховатый орлиный нос. Острые запавшие глаза. Тонкие губы. Борода - на два больших кудряша. И смотрел на волны зорко. Одолеть и казнить их собрался.

Суций Иван Грозный.

Марфа Посадница, Иван Грозный! Всё перепуталось, и стала встреча с диковатыми рыбаками почему-то нужной среди впечатлений.

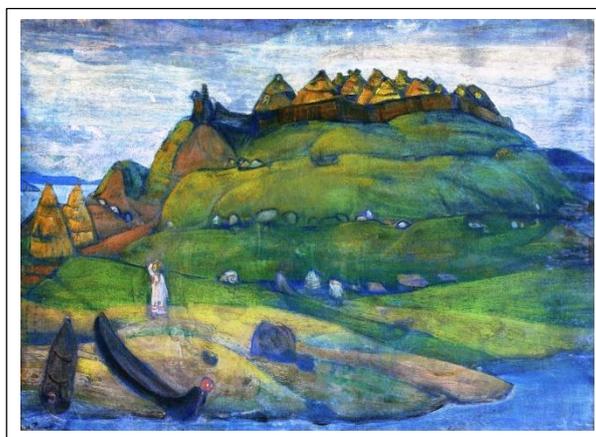
Такой народ ещё живёт по озёрам. Редко бывает в городе. Так же, как земля, умеет он хранить слова о старине. Так же, как в земле, трудно узнать, откуда и с чего начать с этим народом.

Везде нетронуто. Всюду заманчивые пути творчества. Всегда богатые находки.

Придут потом другие. Найдут новые пути. Лучшие приближения. Но никто не скажет, что искали мы на пустых местах. Стоит работать.

[1910]

Н.К. Рерих. Собрание сочинений. т. 1. Изд. Сытина. 1914.

Н.К. Рерих. Древний город. [1910.]

ИЮЛЬ

[1 Июля. 1910 г. СПб.]

Письмо Н.К. Рерих к Рерих Е.И.

12 час. дня

Дорогой Мис, сейчас встал, т. к. лёг в 7 часов.

Просидели мы с Зарубиным от 11 до 7 – глупо. Архип всё время спал, а мы сидели на стульях в неубранной кухне. Первый раз администрация Общества провела ночь так оригинально. При нём и Пётр безотлучно, и сестра. Теперь пульс нормальный, без перебоев, жара вовсе нет. Доктор говорит, что физическое сост. сейчас совсем хорошо. Вечером ему не подали что-то и вдруг начал кричать на весь дом: «ай, ай, ай».

После, уже при нас, долго что-то писал пальцем по платку и всё бормотал: «Всё писанье, справа налево, слева направо». Не понять, что значит.

Думаю в Субботу утром ехать. Под каким предлогом, мы ещё не решили. Доктора думали, что он не вынесет воспаления, а теперь говорят, что натура замечательной, небывалой силы. Сбылось то, что предсказывал Зарубин два года назад: склероз пошёл на голову взятяжную.

Сейчас выпью кофе и поеду в 2 час. к Двукраеву. В Обществе припишу, что он скажет и pošлю письмо.

Пока крепко целую. Хотелось бы завтра от Тебя получить вести. Мамаша уехала в Четверг к Володе. Адрес Володи: Курская губерния. Станция Голофевка. Именье гр. А. А. Орлова-Давыдова. В. Рериху.

Володя получает 100 руб. и всё готовое, даже прислугу, бельё и всё.

Двукраев очень забраковал души; сказал, что доктор идиот. В общем, нашёл состояние недурным. Снять фото нельзя. Аппарат плох. На пути из Новгорода – опять заехать. Очень жарко. Устал. Плохо спал.

Целую крепко. Вечером опять к Архипу.

Н. Р.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/417, 2 л.

1-2 Июля [1910 г. СПб.]

Письмо Н.К. Рериха к Е.И. Рерих

В час. дня 1-го Июля

Милый Мисик, сейчас будем обедать с Борей в «Вене». Жарко. ~~Сей~~ Я отобрал ящичек кремешков (таблиц) на 5 и посылаю Тебе, на имя Мулички. Это всё я вынул из прочих слишком густо наложенных. В Новгороде помещения нам не дают и предлагают остановиться в гостинице женского монастыря. Может быть это и лучше. Что у Вас там нового? Кажется, что уехал уже давным-давно. Зарубин говорит, что он ни за что не останется у Арх[ипа] сегодня на ночь. Что вторую ночь сидеть на кухне нелепо. Я думаю, что раз физическое состояние Архипа улучшилось, теперь верно всё пойдёт на голову. В Аполлоне Маковский всячески расхваливает школу Бакста. Лидинька тоже хочет ехать к Володе, но Боря (как и я) находит, что ему может очень навредить приезд массы родственников на казённые харчи. Это не тактично!

Деньги от Лампе я могу получать простыми переводами по почте. Решено, что едем в Субботу в 3 часа (в Новгороде в 10 час. вечера). Вот все мои маленькие мыслишки и делишки среди Петербургской жары. Какое-то разбитое настроение. Конечно, жалко Архипа, но меня всё-таки злит его отношение к жене. Так всё-таки нельзя относиться к близкому человеку. Чего только он про неё не рассказывает.

11 час. вечера

Сейчас опять от Куинджи. Говорил, что он может перелить Чёрное море в Азовское и какая береговая полоса тогда у него будет. Потом говорит: «вас тут трое, а мне кажется, что вас тут много. И откуда вы всех злых духов берёте? Так со всех щелей и лезут по вечерам». Никому не давал уйти.

Ночь будет Позен и Залеман. Мы придём в 7 час. утра. Воображаю, как он прокликает меня, зачем ушёл. Это такой сколок положения отца, что на меня ужас нападает. Кого-то ловил на стене рукою. Если побыть недели две так, то во всё поверишь. Я понимаю Зарубина, его состояние и его боли в сердце.

Да, сегодня я рассказал о ду́шах доктору у Куинджи, он сказал: «Такой осёл! Выдумал вас, при нервности, как быка лечить. Слава Богу, что легко отделились».

Не знаю, как уеду. На всякий случай распорядюсь в Новгороде, и если будет очень бушевать, опять приеду. Теперь вот говорят, что надо в больницу. Залеман с ног сбился. Единственный человек – жена, которая с ним может справиться, но он сказал, что выскочит с лестницы или из окошка, если она войдёт в комнату. Завтра после Архипа ещё припишу.

Пока до свиданья. Хорошей ночи, мой милый любимый Мисик.

1 час. дня. [2 июля]

Должен остаться до Понедельника. Хочу организовать постоянное дежурство докторов и постоянное присутствие друзей. Вероятно, придётся дня через 4 приезжать из Новгорода. Что-нибудь надо устроить для Архипа. Так уехать невозможно. Очень жду от Тебя письма. Как у Вас там. Пиши, миленькая. Вот какие положения! Какой Твой совет.

Твой Н. Р.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/367, 4 л.

[2 Июля 1910 г. СПб.]

Письмо Н. Рериха к Рерих Е.И.

Пятница, 11 вечера.

Милый Мисик, сейчас вернулся от Архипа.

Пойду опять в 7 час. утра. Решил ехать в Новгород в воскресенье в 3 часа дня. Хотел было у Архипа устроить бесконечное дежурство учеников и докторов. И народ собрал, и все довольны. Но теперь жена Куинджи находит, что мы разоряем ~~их~~ платою докторам и фельдшерам. Пожалуй, из самых лучших намерений Бог знает что выйдет. Пусть делает, как хочет, всё-таки она хозяйка. Архипа физическое здоровье окончательно хорошо, теперь всё дело в психике, которая быстро падает. Сегодня ударил кого-то и сильно толкнул Зарубина, и назвал его “какой-то Зарубин”. Вообще, чувствуем бессилие быть полезными.

Всё-таки дежурство художников будет. Моя очередь через 4 недели. Всех чудодейств и не передать в письме.

Видел Руманова; он готовит на осень всякие *дела*, очень радостен. Зарубин подарил мне хорошенькую гуашь.

Как дело с мебелью? Хотелось, чтобы Тебе удалось её купить, и шкафы особенно.

Настроение после сидения у Архипа совсем разбитое; не дай Бог видеть сумасшедших. Пётр просит, чтобы его оттуда уволили. По всей вероятности, всё кончится буйными припадками.

Кажется, что я что-то уж очень давно из дома уехал. Что у вас там творится? Верно, завтра будет письмо. Где Ты спишь теперь?

После жары сегодня вечером идёт сильный дождь. Что-то у вас.

Ну, покойной ночи, мой ненаглядный Мис.

Как Твоё сердце?

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/247, 2 л.

[3 июля 1910 г. СПб.]

Письмо Н.К. Рерих к Рерих Е.И.

Суббота

8 час. утра. Ночью была баталия, начал бросать в окошко на улицу и по комнате посуду. Разбил два стекла; кое-что полетело на мостовую. Позен насмерть перепугался и позвал жену. А он уже забыл про ссору и не удивился даже. Ну что ж Тебе писать все безумные выходки. Пишу на колене. Только что была клизма.

За эти 4 дня я устал, как за 2 месяца.

Очень рад я за Володю, на таком имении он может развить свои сельские способности. А кроме того, 100 руб. на решительно всём готовом - это те же 500-600 руб.

Сегодня ожидаю Твоё письмо. Очень трудно без Твоих советов. Из Новгорода я телеграфирую адрес. Удастся ли достать мебель - хотелось бы.

Пиши, как у вас там все. Кончаю, а то ещё отнимет и потребует показать.

Целую Тебя моего голубчика.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/418, 1 л.

ХРОНИКА

Болезнь художника А.И. Куинджи приняла угрожающий характер. У постели больного дежурят художники г. Рерих и г. Зарубин.

Русское слово (Москва). 1910. 3/16 июля. № 151.

[4 Июля 1910 г. СПб.]

Письмо Н.К Рериха к Рерих Е.И.

Воскресенье 12 час.

Милый Мис.

Сейчас собираюсь в Новгород. Мой фавор у Архипа кончился, и вчера он уже относился ко мне скверно. Это очень к месту. Вчера уговорили было переехать в лечебницу. Велел взять комнату, и потом вдруг раздумал. Двукраев именем доктора прямо запретил мне присутствовать около мозговых заболеваний.

Из Новгорода телеграфирую адрес. Надеюсь получить много писем от Тебя.

Читали ли в Новом Времени вчера статью Яковлева.

Для начала раскопки идёт проливной дождь.

Миленькая, пиши мне подробно, что у вас творится. 5 дней я без одного известия.

Целую крепко, и иду уложиться и приготовлю телеграмму для Новгорода Тебе.

Поцелуй Муличку и Юрика, и Светку. Пусть напишут.

Н.Р.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/248. 1 л.

Юрик и Светка. 1910 г.

**[4 Июля 1910 г. На пути в Новгород]
Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.**

Гапсаль (Эстляндской губ.)
Угол Рыцарской и Замковой. Дача Юргенс.
Её Высокородию Елене Ивановне Рерих.

Воскрес. 11 вечера. Пароход.

Милый Мисик, едем с Макаренкой в Новгород. Постараемся остановиться в гостинице Десятинного Монастыря. Софийская Сторона. Архип, кажется опять помирился с женою. Последнюю ночь у него ночевал доктор; он ему нужнее всех нас. Завтра с утра отправляемся в Кремль. Потом к Муравьеву. Потом на Городище. Потом к губернатору.

Сегодня в 8 час. вечера мне стало очень скучно. Не было ли нужно меня? Как ни странно, но с особенною любовью дышу я воздухом Волхова. Что-то здесь более приятное, нежели в Эстляндии. Ехали мимо Тыркова, всё-таки хорошо стоит старый дом. Здесь мне как-то ближе, нежели Schloss'ы. Воздух же нисколько не тяжелее, но даже ароматичнее. Больше травами пахнет.

Боря едет в Четверг к нам. Боюсь, что с Новгородцами будут всякие препирательства; мысленно приготовил им много репримандов. Скоро подъезжаем. Опущу письмо на пристани. Пожалуйста, пиши. Так бы хорошо, чтобы и Ты была здесь. Теперь, значит, 2 недели до 20-го. Эти 4 дня в СПб. могут считаться для меня за два месяца по тяжести впечатлений.

Целую Тебя и обнимаю. Как Ты живёшь там? Как вес? Как настроение? Руманов говорил о новом золотопромышленном деле, где риска всего (в худшем случае) 200-300 руб. Он оставляет «Биржевые» и входит в несколько денежных дел. Телеграмму с адресом смогу дать только завтра утром, так в первом часу не попадёшь в почтамт.

Ещё раз целую. Спи хорошо.

Твой

Н.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/300, 3 л. На штемпеле: Новгород. 5 июля 1910; // Гапсаль. 7 июля 1910.

4 июля 1910 г. СПб.

БОЛЕЗНЬ А.И. КУИНДЖИ

Профессор А.И. Куинджи страдает склерозом сердца в весьма тяжкой форме.

На днях был сильный припадок. Состояние духа у А.И. Куинджи угнетённое.

Ныне произошло некоторое улучшение в течении болезни.

Допускаются к больному только очень близкие люди, в том числе бывшие ученики профессора Н.К. Рерих и В.И. Зарубин.

Петербургская газета. 1910. 4 июля. № 180. С. 4.

Хроника

ДРЕВНОСТИ НОВГОРОДА

Новгород, 8-го июля. В Новгород прибыл председатель комиссии Допетровского музея академик Н.К. Рерих и секретарь комиссии Макаренко для исследования древностей Новгорода. Раскопки предполагается начать на древнем Рюриковом Городище, где могут быть найдены храмы и следы великокняжеских теремов.

Биржевые ведомости. 1910. 8/21 июля. Вечерний выпуск. № 11804. С. 2.

5 июля 1910 г. СПб.

ХРОНИКА

БОЛЕЗНЬ ПРОФ. А.И. КУИНДЖИ

Больной склерозом сердца, профессор живописи А.И. Куинджи сильно страдает.

Последние дни болезнь сердца не даёт ему даже забыться сном.

У больного день и ночь дежурят две сестры милосердия. Несколько раз в день приезжают два доктора медицины.

А.И. Куинджи не поднимается совершенно с кровати. Он сильно нервничает.

3 июля сам больной просил пригласить священника. Но когда пастырь приехал, А.И. Куинджи отказался принять его.

Врачи предлагали больному профессору лечь в больницу, где ход лечения и уход за больным будет лучше.

А.И. Куинджи наконец согласился переехать в лечебницу. Для больного уже была приготовлена комната в одной из лучших клиник, но когда нужно было послать за каретой скорой помощи для перевозки больного, А.И. решительно отказался покинуть свою квартиру.

Бессонница и страдания от склероза сердца угнетённо действуют на самочувствие больного, который капризничает, часто отказывается исполнять предписания врача.

За последние два дня в ходе болезни видны проблески улучшения.

Для успешного лечения необходимо побольше спать, но болезнь сердца не даёт возможности принимать А.И. усыпляющих средств.

Каждый день справляться о здоровье больного приезжают академик Н.К. Рерих и В.И. Зарубин. Секретарь и казначей Общества поощрения художеств. Парадная лестница буквально ломится от посетителей, художников и стипендиатов, справляющихся о здоровье проф. А.И. Куинджи.

Петербургская газета. 1910. 5 июля № 181.

[5 Июля 1910 г. Новгород - Городище]
Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.

Милый Мисик, голубчик.

Переезжаем из Новгорода в Городище. Будем копать там. Жить в церковном училище. Я рад, что будем не в городе. Воздух лучше и красивее местность. Весь день бегали по Новгороду. Были у Дирина. Милый старик, любезный. Жалуется, что 20 лет его держат вице-губернатором. У него есть много хороших вещей. Мебель красная с золочёными частями. Есть портреты. Квашонкин обещает достать два кресла (красного дерева с позолоченными ручками деревянными) и стол круглый екатерининский. Обещал также свезти в старое имение Лутовиново. Говорит – много вещей. От города 22 версты по железной дор. Не пригодится ли оно нам для дачи? Уверяет, что достанет картины от Данилевич.

Закупили припасы для Городища. Чаю, сахару, грудного порошку. Наняли прислугу. Кушания будут готовить у священника. Конечно, главная пища: молоко, яйца, цыплята. Избегаем встреч с Новгородскими членами нашей Комиссии. Раз они без нас начали раскопку в Кремле, то мы без них начнём на Городище. Ежедневно, или, в крайнем случае, через день будем посылать в город за почтой. Был я на почте, но ничего «до востребования» не нашёл. Очень сердился, так как сегодня 7-ой день, а Ты хотела писать через 2 дня. Жду завтра чего-нибудь.

У жида видели любопытные броши Александра I времени.

Очень тонкая работа, слон. кость и золото. Интересуют ли Тебя они? Работа очень тщательная. Третья – только золотая птичка. *(Рисунок)*

Квашонкин уверяет, что что-ниб. достанем. Приезжай, устроим Тебя вроде как в Печорах, на сеннике свежесшитом. Кругом Городища – далёкие горизонты. Воздух лучше, чем в Гапсале. Кругом чудятся какие-то фундаменты. Всё-таки приятнее, чем в городе.

Тороплюсь послать. Сейчас вынимают почту. Очень, очень жду Твоих писем. Всё-таки неделя без единого известия, а я пишу восьмое письмо. Несправедливо!

Губернатор Башилов был ужасно предупредителен.

Поцелуй Муличку и ребят. Целую крепко. Завтра рано едем на новую квартиру.

Твой Н.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/425, 2 л.

[6 июля 1910 г. Новгород]
Открытое письмо Н. К. Рериха к Рерих Е.И.

Гапсаль. Эстл. губер. Угол Рыцарской и Замковой. Дача Юргенс.

ЕВб.

Елене Ивановне Рерих.

На штемпеле даты: 6.07.1910 – Новгород; 8.07.1910 - Гапсаль.

Вторник 9 утра.

Сейчас едем на Городище. Всё идёт хорошо. Посылаю на всякий случай, если бы сегодня вечером некого было послать в Город. Туда ведь почту не доставляют, а нам нужно посылать нарочного. Таковы правила страны. Боря приедет в Четверг. Макаренко очень кланяется.

Целую всех. Жду писем.

Н.Р.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/311, 1 л.

[6 Июля 1910 г. Новгород. Городище]
Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.

8 час. вечера Вторник

Милый Мис, получил Твою телеграмму. Воображаю, какое толстое письмо от Тебя будет со всеми раньше написанными. Устроились мы очень примитивно. Сегодня питались только яйцами и молоком.

Молоко хорошо, но воду пить не могу; вся ржавая и мутная. Спать решили попробовать на сене. Завтра напишу, какво было это предприятие. Но если жизнь здесь примитивна (как в Печорах), то здесь всё-таки превосходно. Широкий горизонт. Направо – Новгород. Налево Юрьев монастырь. Как раз идут покосы. Спеют овсы. Зеленятся луга. Тут и косят и рыбу ловят и баржи тянут и копают, и стада ходят, и всё это в одном взгляде. Всё-таки хорошо. Сегодня не жарко. Без дождя. Тихо. Вечером звонят в монастырях. Есть во всём какая-то тишина.

Начали раскопку. Кажется, обнаруживаются края какого-то здания. Вещей пока особенных нет. Печать, обделанная кость, часть каменного креста, конечно много черепков. Оказывается, на Городище стоял дворец Меньшикова, подаренный ему Петром. Теперь нет и следа. Здесь же жил и Иван Грозный. Найдём что или нет, но Бог даст, или картины, или хорошую мебель достанем, и то хорошо! А может быть, в Лутовинове и дача хорошая найдётся. Почему-то название Лутовиново мне нравится, вроде Кузлова.

К тому времени, как Ты приедешь, не знаю, будем ли мы здесь или переберёмся в Кремль, но, пожалуй, и Тебе было бы курioзно побывать здесь, а не в городе. Каждое утро в 4 часа мальчик будет ходить в город. Напиши, могут ли Тебя интересовать вещи (кость с золотом), о чём я вчера писал. Ну, несут сено. Будем устраиваться. Хорошо, если бы Ты скорей приехала. До завтра!

Н.Р.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/423, 2 л.

[7 Июля 1910 г. Новгород. Городище.]
Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.

1 час. дня Среда

Милый Мисик, пишу с раскопки. Сидим на бугре. День облачный, тёплый. Обнаружилась сгоревшая церковь. Это Никольская церковь 1201 г. Вещей пока нет. Так, разные мелочи. Каменный крест, черепки, бронза. Главное, обидно, что неизвестно где стоял терем. Ел сегодня яичницу. Из города принесли ветчины. Здесь только и есть яйца и простокваша. Впрочем, её ещё не пробовал.

Приехал Шиловский (от Бори); сам Боря приедет в Пятницу. Хорошо в раскопках то, что сидишь поневоле целый день на воздухе. Встал сегодня в 5½ час. Ложимся в 9½.

Сейчас передо мной весь Новгород, а сзади блестит из-за бугра Юрьев монастырь. Посланный ходил в город, но писем не было. Воображаю, как долго сюда письма идут. Думаю, что Тебе здесь понравится. После Эстляндии здесь как-то больше воздуха, больше приволья. На другом берегу Волхова стоит целый лагерь белых палаток. Оказывается, монахи Десятинного Монастыря выехали на полевые работы. Без Мися худо ездить. При Тебе всё хозяйственно, и порядок есть, и есть уверенность, что всё самое дорогое с собою. Всё тут с собою. А теперь всё как-то сиротливо. Я думаю, что здесь на Городище дольше 5 дней не прокопаем. Придётся вернуться в Кремль. Очень надеюсь, что Квашонкин что-нибудь устроит для меня лично. Это особенно важно. Очень боюсь, как бы Зарубин опять в СПб. не позвал. Это будет ужасно, так как я вспоминаю о днях в СПб. даже со страхом. Можешь представить: полная картина покойного отца.

Если нам придётся жить в городе, то лучше всего в Духовом Монастыре, в той гостинице, которая строилась. Комнаты там хорошие и пока без всяких запахов. Гораздо лучше, чем в Городской Гостинице. Сегодня придётся нам обедать протоквашей и кусочком ветчины: больше ничего нет. Будем есть и Мися вспоминать. Что у Тебя нового? Пиши. Когда думаешь собираться? Целую и всегда о Тебе думаю.

Твой Николай

Муличку поцелуй.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/459, 2 л.

Рюриково городище (открытка начала 20 в.)

[8 июля] 1910 г. Новгород. Городище
Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.

Четверг 8 час. утра.

Милый Мисик. Сегодня Макаренко получил письмо из дому, а я всё ещё ничего не получил. Жду письма сегодня из города. Погода нам благоприятна. Опять – чудный день. Встали в 5 часов. Обнаружились вполне очертания церкви 1565 года; но это неинтересно. Интересно, остались ли под нею остатки церкви, построенной в 1165 году и сгоревшей в 1201 г. Вот эти остатки могут

быть любопытны. Вещей что-то мало. Мы думаем, что если и в Кремле находки будут также незначительны, то придётся рублей 200 оставить просто на раскопку курганов Макаренкой, где вещей всегда много.

12 час. д.

Сейчас принесли Твоё письмо от 5 Июля. Очень, ужасно обрадовался. Доволен вестями, рад, что думаешь обо мне. Рад и что Юрик любит. Вместе с Твоим письмом пришло и письмо Белого. Пишет, что Бертенсон удалил от Архипа всех посетителей. Физически ему лучше. Борются с действием морфия. Если можно, черкни Стравинскому открытку, что я в отъезде (Устилуг. Волынской губ.).

Мне сдаётся, что здесь в Новгород. губ. воздух здоровее Гапсаля. Положительно бодрее себя чувствуешь. После 3-х дней на солнце сильно загорел. Одно плохо – мало еды. Молоко, яйца, ветчина. Вечером к 9 час. бываешь таким усталым, что засыпаешь моментально. Ведь с 6 час. утра до 8 час. в. на воздухе. Хорошо, что погода стоит хорошая. Ходят тучки, но всё без дождя. Послал письмо Ефиму; но ответ, верно, сюда не скоро дойдёт. Воображаю, как хорошо у Тебя таблицы выходят. Таблицы у сторожа неважно нашиты.

Дал бы Бог подыскать хорошее имение для дачи. Вот приедешь – спросим у Дирина. У него у самого 3 имения; в Крестецком и в Старорусском уездах. С нетерпением жду воскресенья – съездить с Квашонкиным в Лутовиново. Напиши о брошках; интересуют ли Тебя? Боря приедет в Пятницу, завтра. Верно, к вечеру. Жаль, вещей мало находим. Сейчас сижу на стуле, а передо мною копают траншею, чтобы посмотреть, нет ли ниже найденного основания церкви ещё чего-нибудь более древнего. Думаю, что в Субботу мы переберёмся в Кремль. Конечно, продолжай писать по этому адресу, а я сделаю заявление на Новгородской почте.

Скажи Юрику, что я рад, что он обо мне заботится, а Светке, чтобы копал дальше. Право, жаль мне Вас, сидите там в дыре, а здесь-то какой простор. Берега у Волхова – песчаные. Хорошо, что бросаешь грязевые все ванны. Ведь этим идиотам местным врачам верить нельзя. Значит, сидим, копаем, Тебя вспоминаем, писем ожидаем, Тебя обнимаем. Люблю Тебя очень. Надеюсь тут с Тобою поездить.

Твой Н. Р.

Сейчас налетела туча, начинается дождь.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/460, 2 л.

[9 Июля 1910 г. Новгород. Городище]

Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.

Пятница 3 час. дня

Миленький и любимый Мисик, получил заказное письмо.

Так и не понял, отчего Бакст в восторге. Одно я понял, что в Париже Стравинский всё-таки понял, что меня знают. Сегодня вечером мы переезжаем в Новгород. Здесь что-то никаких вещей не найти. Если остановимся в Духовом монастыре, я припишу адрес. Приехал к нам инженер Михайловский; довольно симпатичный, говорит, что так мечтал со мной познакомиться, что даже в СПб. хотел просто на квартиру явиться. Вечером ожидаем Борю.

Оказывается, Михайловский отлично знал Ивана Иван[овича] и превосходно о нём отзывается; он же ценил и книги после смерти Ив. Ив. Говорит, там было книг тысячи на полторы. «Один увраж (внутренние обстановки) даже у букиниста стоит 250 руб. Кроме того, я, говорит, отобрал целую папку акварелей Ив. Ив., и можешь себе представить, вдова всё это продала за 300 руб., а один студент у Мелина на Литейном купил папку акварелей за 25 руб. Какие там книги были! Была «История иск[усств]» Горностаева. Очень жалеет Михайловский книги Ив. Ив. Хорошие были! Сам Михайловский очень симпатичный. Горюет: у его сына кровохарканье.

Сейчас укладываемся, чтобы ехать в Новгород. Вещи пошлём со стражниками на лодке, а сами пешком.

Переехали хорошо. Адрес: Гостиница Духова Женского Монастыря.
Софийская сторона.

Квашонкин обещает достать какие-нибудь хорошие вещи. Послали сегодня Боре телеграмму, чтобы ехал немедленно, ибо он прислал каких-то <...>, с которыми я и говорить не желаю. Пишу это у Соловьёва – куда зашли съесть телячью котлету. Макаренко привёл в великое смущение и краску монахиню, спросив, нет ли в монастыре бани. Теперь я его попрошу спросить, где у них "ветер", опять будет конфуз. В общем, он себя держит очень мило, исполняет всякие мелкие поручения.

Хоть и хорошо было спать на сене, но сегодня с удовольствием посплю на постели, если только монастырские клопы не слишком породисты. Ну, покойной ночи, милый и хороший Мисик. Значит, через 11 дней жду Тебя. Очень люблю Тебя, хорошо люблю.

Твой Н. Р.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/342. 2 л.

9 июля 1910 г.

Письмо И.И. Лазаревского к Рериху Н.К.

9 / VII 1910.

Дорогой Николай Константинович.

От Виктора Ивановича узнал я Твой адрес и хочу написать Тебе. Я только прошу Тебя быть со мной вполне, или во всяком случае в пределах возможно-го, искренним. Так мы можем до чего-нибудь договориться.

Я не хотел говорить Тебе, но решил всё же, в конце концов, – высказаться. Давно заметил я, что Ты стал сторониться, от меня держаться на расстоянии ни к чему не обязывающего «хорошего» знакомства. Последний пример Филиппова, когда он мне говорил о том, что я делился с Тобой своими соображениями о его правах, послужили мне доказательством того, что Ты стал считать свою позицию так сказать более близкой к Филиппову. Что ж, если это так. Теперь я действительно не у дел и рядом тяжёлых обстоятельств не то что сильно пришиблен, но был принуждён не гнушаться никаким заработком, от которого в иное время не стал бы искать барышей. Но, несмотря на мои сравнительно не малые года деятельности, я ещё очень молод – мне ведь всего 30 лет. Есть время многое исправить, неправильно сделанное.

Я от Тебя давно перестал ждать поддержки. Многих Ты устраивал и при-страивал. За последнее время Ты имел возможность пристроить меня снова к обществу, но Ты предпочёл это сделать для иных, примерно для Макаренки.

Не желая считаться с Тобой, тем паче ставить себя в положение Косоротова, могу прямо спросить Тебя – кто в своё время сделал для Тебя больше, Макаренко или я? Храни Тебя Бог от мысли, что я жду «мзды» за то отношение в какой-либо форме. Я искренний поклонник Твоего дарования и горжусь, что первый стал о Тебе писать и громко говорить. Лишь только нравственно тяжело от Твоего отношения ко мне. Я к нему больше не стану возвращаться, поверь мне. Твоё дело поступать как Ты считаешь нужным.

Не написать это письмо, памятуя наши прежние добрые отношения, я все же не хотел.

Жму Твою руку Твой *Ив. Лазаревский*
Ст. Преображенская, Варшавской губ. Поселок Ильинское. Дача Гримова.
мне.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/903, 1 л.

[10 Июля 1910 г. Новгород]

Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.

Суббота 8 час. веч.

Милый Мисик, сегодня вышел какой-то глупый день. Шёл несколько раз дождь. Только что мы из дома, как и дождь тоже начинает идти. Кроме того, верно, вследствие раннего вставанья сегодня весь день нам хочется спать. В 4 час. на минуту прилегли, а сейчас только встали. Теперь начнётся неприятная история с Новгородцами, которых за начатую без нас раскопку Археолог[ическая] Ком[иссия] требует предать суду. В Понедельник вечером у нас будет заседание Комиссии, полное всяких кляуз.

Сегодня была полицейская расценка огорода, на котором будем копать. Арендатор огорода опротестовал решение выборных и полиции. Сейчас идём к Дирину выяснить, в чём дело и как лучше быть.

Посылаю Тебе письма Зарубина и Стёпы. Где ему письма писать! Обрати внимание на его приписку. Приехал Михайловский, только что ездил в Вяжищи, нашёл там чудные по стройки XVI века. За 12 вёрст от города. Пришёл Квашонкин, завтра едем. Чтобы послать сегодня, кончаю писать и мысленно крепко целую милого Мисика. Пусть Юрик и Светка напишут.

Н. Р.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/343, 1 л.

[Июль 1910 г. Новгород. Кремль]

Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.

Гапсаль (Эстляндской губ.),
Угол Рыцарской и Замковой. Дача Юргенс.
Её Высокородию Елене Ивановне Рерих.

Милый Мисик, сегодня я послал Тебе 250 руб. Довольно ли пока? Квашонкин говорит, что имение Строганова стоит на высоком берегу Шелони. Дом старинный. полный красного дерева. Перед имением островок песчаный с каменным веком. Оттуда он привёз мне большую бусу из янтаря и большие черепки. То-то дело сразу перед домом! Большая берёзовая роща рядом, масса

белых грибов. Как приедешь так и поедем посмотреть. От Новгорода это 3 часа жел. дор., а от Спб. , значит 9 часов. Ведь занимательно! Боря говорит, что будет стараться, если смокву получит. Теперь хозяйством заведует Мешков. Заказывает обеды. Довольно смешно.

Право, приезжала бы Ты скорей, что там сидеть в Гапсале, да и будут ли еще ванны полезны? Хорошо бы Тебе приехать. А то ещё дожди пойдут.

25-го Июля или 27 Макаренко собирается уехать. Был я у Данилевич, обещала Тебе показать картины, но о продаже всё мнётся. Дождь шёл раза три на дню. Какая-то у вас там погода?

В траншее в Кремле открывается целая улица, жаль, что при дожде земля липнет.

На телеграмму Твою я ответил сейчас же, но меня не сразу могли застать. Неужели мои письма не идут правильно, а ведь я каждый день посылаю. Очень жду Тебя.

Может быть не 23, а хоть 21 или 22 приедешь.

Жду и все о Тебе думаю.

Твой Майчик

Кланяются Боре Мешков, Макаренко.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/340, 3 л. [14 Июля 1910 – штемпель в Гапсале]

[11 Июля 1910 г. Новгород]

Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.

Воскресенье 1 час дня.

Родной мой Мисик, сейчас мы вернулись от Лутовиновых. Закусили и тотчас же едем в Вяжищи в монастырь. Вернёмся вечером. У Лутовиновых интересный дом, но кроме 3-х – 4-х портретов нет ничего. Указали мне как возможные дачи – имения Сперанского (8 вёрст от Новгорода), имение Строганова (3 версты от Шимска) и имение Васильчикова. Обо всём наведу справки, а когда приедешь, то и съездим вместе. Сегодня наша усталость прошла. Кажется, сейчас нам предстоит отвратительная просёлочная дорога, 12 верст.

День стоит облачный, без дождя. Квашонкин поехал в Шимск покупать стол и два кресла (красн. дерева, спинки корытами и золочён. поручни). Не очень-то ему верю, пока не увижу сам.

Едем. Бори до сих пор нет. Ничего не понимаю!

8 час. вечера. Вернулись из Вяжищ. Интересный монастырь времени Никона масса изразцов. Но вернулись мы в большом огорчении. Игумен не дал изразцов ---

Сейчас телеграмма. Скончался Куинджи. Еду вечером в Спб. Думаю, что вернусь в Новгород через 3 дня. Как-то не везёт! Просто беда!

Целую крепко

Твой Н.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/446, 2 л.

11 июля 1910 г. СПб.

† А.И. КУИНДЖИ

11-го июля, в 7 час. Утра, скончался на 69-ом году известный русский пейзажист Архип Иванович Куинджи. <...>

Агония была продолжительна, и приходивший по временам в сознание А.И. молил о смерти... В 7 час. Утра он скончался на руках своей супруги, д-ра А.М. Корицкого и художника Зарубина.

В течение последних дней жизни А.И. при нём неотлучно находились скульпторы Залеман и Позен и его ученики-художники: Рерих, Зарубин и Богаевский. Приезжал также из Москвы ректор Академии художеств акад. Беклемишев.

Речь. 1910. 12/25 июля. № 188. С. 1.

Публикуется с сокр. по изданию: Николай Рерих в русской периодике. Выпуск IV. СПб. 2002.

12 июля 1910 г. СПб.

ПАНИХИДА У ГРОБА КУИНДЖИ

12 июля на панихиду у гроба А.И. Куинджи собралось незначительное общество учеников покойного и художников. Среди них художники Беклемишев, Рерих, Крыжицкий, Шильдер, Зарубин, Дудин, Судковский, Владимиров и Сергеев, редактор польской газеты Осендовский, непреременный секретарь Академии художеств д. с. с. Лобойков, возложивший чудный венок из живых роз от августейшего президента Академии, великой княгини Марии Павловны. Тело покойного А.И. находится в металлическом гробу среди зелени на катафалке. На гроб покойного возложены венки: от Общества имени Куинджи, «От учеников – учителю», Императорского Общества поощрения художеств, учеников Академии, Весенней выставки. Сегодня же от председательницы Императорского Общества поощрения художеств, е.и.в. принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской на имя художника В.И. Зарубина из Старого Петергофа получена телеграмма:

«Передайте моё сердечное соболезнование жене Куинджи. Искренно оплакиваю великого художника и редкой души человека. Евгения Ольденбургская»

Похороны А.И. состоятся на Смоленском кладбище, недалеко от церкви Св. Духа.

Новое время. 1910. 13/26 июля. № 12332. С. 4.

У ГРОБА А. И. КУИНДЖИ

... 12 июля, днём и вечером, священником церкви Академии художеств были отслужены панихиды по покойном. Присутствовали: ректор Академии художеств академик В.А. Беклемишев, скульпторы Л.В. Позен и Г.Р. Залеман и художники: председатель Общества имени А.И. Куинджи К.Я. Крыжицкий, Н.К. Рерих, В.И. зарубин, Калмыков, Опекушин, архитектор Покровский, а также несколько молодых академиков. <...>

Отпевание тела покойного назначено на 14 июля, в 10 час. Утра. Вынос из академической церкви состоится в первом часу дня. Останки А.И. будут преданы земле на Смоленском кладбище.

Речь. 1910. 13/26 июля. № 189. С.3.

О создании Музея имени А.И. Куинджи.

[ХРОНИКА]

Академик Рерих предложил Обществу имени Куинджи сохранить за собой квартиру и мастерскую покойного, с целью устройства в квартире помещения для собрания Общества, мастерскую же превратить в музей имени покойного. Это часто практикуется за границей В Петербурге же это будет первый частный музей, в котором будут картины и подготовительные работы покойного, а также и его ближайшие вещи.

Кроме того, академик Рерих предложил немедленно же приступить к изданию полного альбома работ покойного, так как при жизни художника подобного издания выпущено не было.

Надо думать, что Общество сочувственно отнесётся к этим предложениям, а домовладелец Елисеев, в доме которого находится квартира, может быть, не откажет широко пойти навстречу этим начинаниям по увековечению памяти покойного художника.

Биржевые ведомости. 1910. 14/27 июля. Вечерний выпуск. № 11814. С. 3.

А.И. КУИНДЖИ

Статья академика Н.К. Рериха

Сегодня приехал в Петербург талантливый ученик А.И. Куинджи академик Н.К. Рерих. Редакция «Биржевых ведомостей» просила Н.К. Рериха высказать хотя бы в кратких словах свои мысли по поводу кончины этого выдающегося человека.

Куинджи скончался. Большой, сильный, правдивый Куинджи скончался.

«Куинджи - отныне это имя знаменито» - громко писали об Архипе Ивановиче, когда о нём высказались такие разнообразные люди, как Тургенев, Достоевский, Менделеев, Суворин, Петрушевский.

И с тех пор имя Куинджи не сходило с памяти.

Вся культурная Россия знала Куинджи. Даже нападки делали это имя ещё более значительным. Знают о Куинджи - о большом, самобытном художнике. Знают, как он после неслыханного успеха прекратил выставлять - работал для себя. Знают его как друга молодёжи и печальника обездоленных. Знают его как славного мечтателя в стремлении объять великое и всех примирить, отдавшего всё своё миллионное состояние.

Знают, какими личными лишениями это состояние было составлено. Знают его как решительного заступника за всё, в чём он был уверен и в честности чего он был убеждён. Знают как строгого критика; и в глубине его часто резких суждений было искреннее желание успеха всему достойному. Помнят его громкую речь и смелые доводы, заставлявшие иногда бледнеть окружавших.

Знают жизнь этого удивительного мальчика из Мариуполя, только личными силами пробившего свой широкий путь. Знают, как из тридцати поступавших в Академию один Куинджи не был принят. Знают, как Куинджи отказал Демидову, предложившему ему за 80 000 руб. повторить несколько картин. Ещё жив служитель Максим, получавший рубли, лишь бы пустил статью вне очереди среди толпы во время выставки картин Куинджи на Морской. С

доброй улыбкой все вспоминают трогательную любовь Архипа Ивановича к птицам и животным.

Около имени Куинджи всегда было много таинственного. Верилось в особую силу этого человека. Слагались целые легенды.

Если некоторые друзья Куинджи пытаются обойтись теперь без прислуги, то Куинджи, без всяких проповедей, всю жизнь прожил со своею супругою Верою Леонтьевною без чьих бы то ни было услуг. С особым чувством каждый из нас, подходя к дверям, слышал рояль и скрипку в квартире, где жили «двое».

Вспоминаю, каким ближе всего чувствую я Архипа Ивановича после близкого общения пятнадцати лет. Помню, как он, вопреки уставу, принял меня в мастерскую свою. Помню его, будящего в два часа ночи, чтобы предупредить об опасности. Помню его, конфузливо дающего деньги, чтобы передать их разным беднякам и старикам. Помню его стремительные возвращения, чтобы дать совет, который он, уже спустясь с шести этажей, надумал. Помню его быстрые приезды, чтобы взглянуть, не слишком ли огорчила резкая его критика. Помню его верные суждения о лицах, с которыми он встречался.

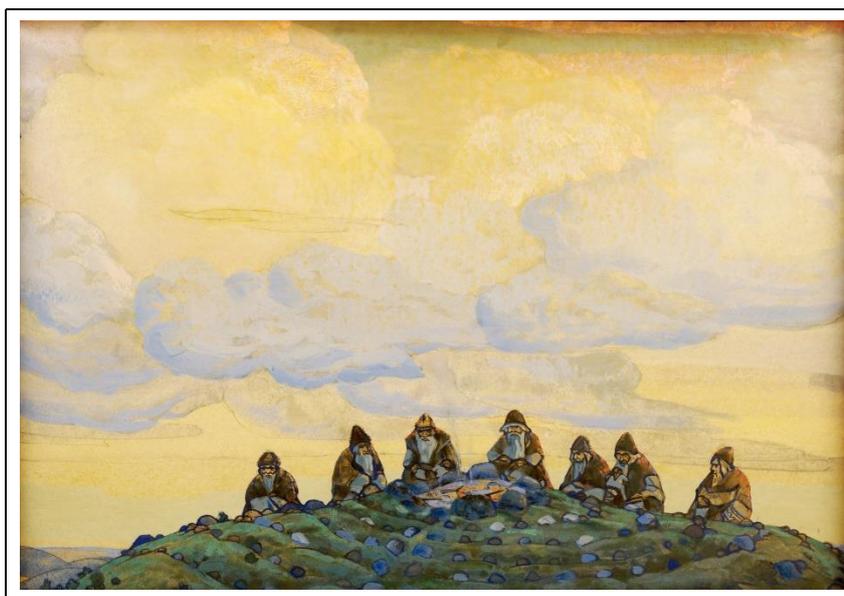
О многих он знал гораздо больше, нежели они могли предполагать. Из двух, трёх фактов, с чуткостью подлинного творца, он определял цельные положения. «Я говорю не так, как есть, а так, как будет». Помню его милое прощающее слово: «Бедные они!» И на многих людей он мог установить угол понимания и прощения. Тихие, долгие беседы наедине больше всего будут помниться ученикам Архипа Ивановича.

«Хорошие люди - тяжело помирают». Так верит народ. Среди мучительных удуший Архипа Ивановича вспоминалась эта примета. Народная мудрость указала, что умер хороший, крупнейший человек.

Душам умерших нужны воспоминания - сколько их будет об Архипе Ивановиче Куинджи!

О нём не забудут!

Биржевые ведомости. 1910. 12/25 июля. Вечерний выпуск. № 11810.

Н.К. Рерих. Великая жертва. 1910.

Июль 1910 г.

«ВЕЛИКАЯ ЖЕРТВА». Новый балет

В ближайшем будущем должна появиться интересная балетная новинка. Академик Н.К. Рерих, молодой композитор (автор «Жар-Птицы») И.Ф. Стравинский и балетмейстер М.М. Фокин работают над балетом под названием «Великая Жертва», посвящённым древнеславянским религиозным обычаям. Содержание и обстановка сочинены Н.К. Рерихом. Действие происходит летнею ночью на священном холме.

Русское слово (Москва). 1910. 15/28 июля. № 161. С. 4.

[12 июля (понедельник) 1910 г. СПб.]

Письмо Н.К. Рериха к Е.И. Рерих

Понед. 11 утра

Милый Мисик, опять для меня неприятные дни. Хождение на панихиды, а затем ночевка в пустой квартире на 16 линии. Поеду в Новгород в Среду в 3 часа прямо после похорон в Ал. Невской Лавре.

Умер А. И. на лестнице, побежал броситься вниз, но не добежал и упал. Перед [тем] опять раскусил и жевал градусник. К 12 часам иду к нему, там соберутся несколько человек, чтобы обсудить дела.

Я думаю, Ты пожалеешь меня за эти все невольные переезды. Возлагаем с Зарубиным венок от учеников. Вышло так, что с 29-го по 12-е получил всего одно письмо Твоё, а другое заказное с чужими письмами. Очень скучно, что так мало от Тебя имею. Надеюсь, что в Новгороде меня ожидают три, четыре письма. Сегодня ехал с 11 вечера, до 7 утра и вследствие пересадки всё время не спал. В Петербурге очень скучно. Так жаль, что Тебя нет со мною. Когда Тебе можно будет выехать? Вечером допишу, после панихиды.

6 час. вечера

На панихиде было очень мало народу. Беклемишев, Крыжицкий, Залеман, Позен и ещё два, три человека. А. И. лежит замороженный. Лицо спокойно. Были мы на Смоленском кладбище купили очень хорошее место двойное за 540 руб. Мы с Зарубиным возложили венок в 30 руб. Вел. Кн. Мария Павловна прислала венок и тут же лежит крошечный веночек «дорогому Архипу Ивановичу от швейцара Кирилла». Жене оставил 10.000 р. и 2000 р. в год. Брату 10.000 р. остальное обществу. В 8 час. опять на панихиду.

Да, оказалось, что у Арх. Ив. 100 моих писем и все подшиты. Жена его очень хорошо говорила обо мне Зарубину и письма показывала.

В Среду сразу с кладбища еду в Новгород. Какая пестрота и быстрота! Просто беда. А Тебя к себе всё-таки дождусь! Милого, хорошего, дорогого.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/365. 2 л.

[13 Июля. 1910 г. СПб.]

Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.

2 часа. Вторник

Милый мой Мисик, на меня все напасти, Макаренко пишет, зовёт скорей в Новгород. Там кутерьма с Новгородцами. Тенишева телеграфирует и требует, чтобы я приехал дать заключение о штукатурке (значит всё-таки работа идет!) Сейчас ей написал, что приехать не могу, а приеду в конце Августа с красками и сделаю пробу. Тогда мол, и штукатурка обсохнет. Меня порадовало, что значит всё-таки дело не прекращается. В Новгород она приехать почему-то не может.

Утром на 16-ой я взял ванну, потом архитектор потащил на Буддийский храм. И вот вернулся, сижу в душной нашей квартире, пишу. Петр сделал чай.

Пойду в Канцелярию. Там Степа. Совсем меня растащили. И туда, и сюда! Сегодня несём Архипа в церковь. А завтра со Смоленского я прямо на поезд, к 3 часам.

Завтра пошлю Тебе только открытку о том, что существую, так как в 9 час. выйду из дому. Напиши, когда Тебе можно приехать. Так хочется Тебя повидать. Покровский говорил тоже об образе для Царского, тоже весною сделаем пробу на стене. До скорого свидания теперь!

Очень целую моего милого письма. Ведь сложилось же так, что на мои 14 писем я получил Твоё одно. Ну, верно в Новгороде найду целую кипу!

Зарубин едет за границу в Субботу до 25 Августа.

Муличку поцелуй. Что-то без меня Квашонкин достанет! Как у Тебя с мебелью? Часто думаю, что удастся Тебе достать! Думаю о Тебе и целую крепко.

Н. Р.

Юрку, Светку поцелуй.

Народа на панихидах мало.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/341, 2 л.

[14 Июля 1910 г. СПб.]

Письмо Н.К. Рериха к Е.И. Рерих

Среда 9½ утра

Милый, мой дорогой Мисик!

Сейчас встал. Упаковал мои манатки. Пойду на погребение. Со Смоленского прямо поеду домой и на вокзал. Вчера накормил обедом Степу. Он живёт у Рыжовых в Павловске. После обеда бродили по набережной (до панихиды) 1½ часа. Говорит, что в Бологом скука невероятная. Что старуха Потоцкая сказала, что пора Диме, наконец, приняться за Бологое, иначе, мол, он терпит убытки. Так что жить Стёпе там неприятно. Боба влюбился в Зарембу, которая очень подозрительная особа, просит подарки и у неё идёт карточная игра с плутовством. Мне было страшно спать в пустом доме. Пока до свидания.

Всех целую, ну, конечно, Тебя совсем иначе.

Н. Р.

На выносе народу много.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/364, 1 л.

Прощание с А.И. Куинджи. 1910 г.

ПОХОРОНЫ КУИНДЖИ

14 июля художественный мир хоронил А.И. Куинджи. ...

На отпевании и проводах присутствовали профессора В. Бенуа, Суслов, Бах, Репин, Брюллов, академик Рерих, художник Зарубин, Залеман, Боткин, Крыжицкий, Кардовский, Кравченко, Любимов, Писемский, Покровский и многие другие.

Новое время. 1910. 15/28 июля. № 12334. С. 4.

ПАМЯТИ АРХИПА ИВ. КУИНДЖИ (Впечатления художника)

... Вначале февраля текущего года в Петербурге распространилось известие, что Архип Иванович ко дню своих именин (19 февраля) во время открытия Общества его имени устроит выставку нескольких своих новых картин.

Выставка не состоялась, так как болезнь обострилась.

Через два месяца перед отъездом на юг Архип Иванович под влиянием болезненного чувства собрал до 150 своих картин, этюдов и эскизов и сжёг их в печи.

На вопрос ближайшего друга академика Н.К. Рериха, что побудило его так жестоко уничтожить свои произведения, А.И. ответил:

- Я не хочу, чтобы кто-либо меня считал декадентом...

Архип Иванович искренно признавая новое течение в искусстве, считал слово «декадент» крайне оскорбительным для художника.

В настоящее время выяснилось, что среди сожжённых произведений было много превосходных, но не вполне оконченных эскизов картин.

Согласно воле покойного, все его оставшиеся работы. До последнего клочка бумаги, перешли в распоряжение Общества его имени.

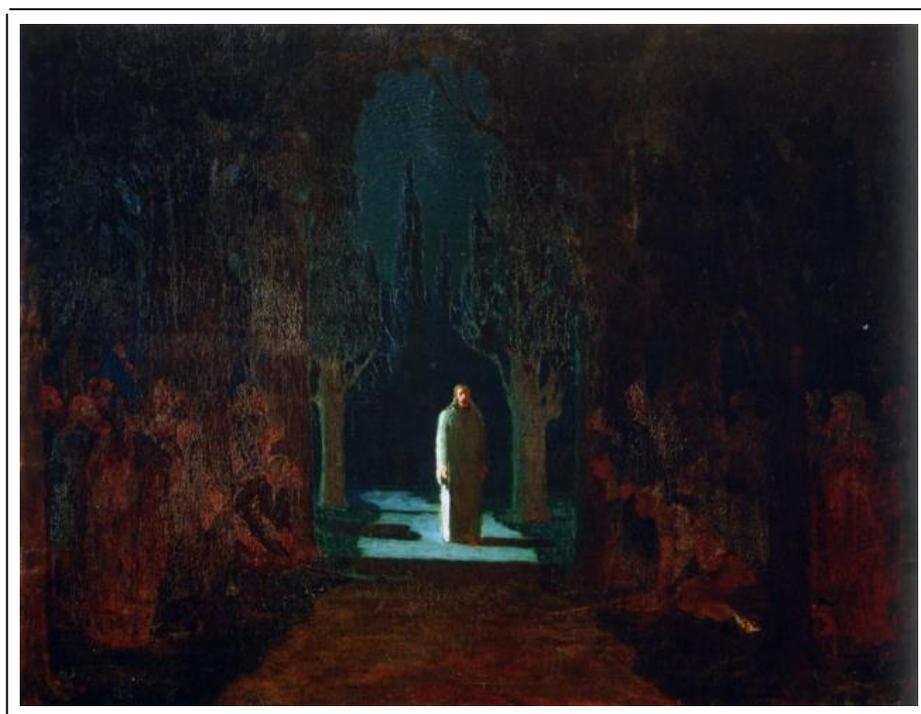
Вчера во время скорбного шествия на Смоленское кладбище среди художников, членов Общества А.И. Куинджи, распространилась необыкновенно красивая и целесообразная мысль оставить квартиру Архипа Ивановича в доме Елисеева за Обществом с целью устройства в ней еженедельных собраний членов Общества.

Инициатор этой прекрасной идеи академик Н.К. Рерих, развивая свою мысль, предполагает превратить просторную мастерскую покойного в музей, в котором будут храниться все оставшиеся картины и другие предметы незабвенного профессора.

Общество, несомненно, пойдёт навстречу этому симпатичному начинанию, и вполне возможно, что и домовладелец Елисеев будет очень рад сохранить надолго память о жизни А.И. Куинджи и его доме.

И. Владимиров

Петербургский листок. 1910. 15/28 июля. № 191. С. 3.

А.И. Куинджи. Христос в Гефсиманском саду. 1901.

[14-15 Июля 1910 г. Новгород]

Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.

Гапсаль (Эстляндской губ.)

Угол Рыцарской и Замковой. Дача Юргенс.

Ее Высокородию Елене Ивановне Рерих.

На штемпелях даты: 15 июля 1910 – в Новгороде / 17 июля 1910 - в Гапсале

Среда, 8 час. вечера

Милый мой и дорогой Мисик, пишу с парохода.

Когда начали гроб опускать в могилу, мне пришлось быстро уехать. Сейчас идёт дождь. Серо. Думаю, что каждая даже скромная поездка дорого обходится.

Дорога и обратно	38 р.
Венок	15 р.
Петру (какие-то расходы)	5 р.
Еда	8 р.
Ольге и извозчики	6 р.

42 р.

А ведь ничего не делал особенно. Ел в «Вене» и у Лейнера. И всё это незаметно. Ну да, лишь бы работа в Талашкине не задержалась, при ней мы ещё живём! Народу было много. Верно, в Огоньке в Субботу будут снимки.

Была Мария Павловна. Я порядочно расцарапал руку о гроб. Архипа заморозили, а лицо и руки натёрли каким-то маслом, и они были мягкие. Хотя и лежал 3 дня, но нисколько не испортился.

Не было ли у Тебя письма из Талашкина, не пойму из телеграммы, отчего княгиня не может приехать. Но, в сущности, я доволен, не придётся возиться с ней в Новгороде, а то ещё что-нибудь не угодило, или гостиница оказалась бы плоха.

Отложить самое исполнение работы ещё на год, я думаю по причине того, что, мол, главному помощнику нужно кончить курс в Академии.

Фролов говорил, что Греческой Королеве очень понравилась моя мозаика. «А мне, говорит, про него совсем другое говорили». Ел бифштекс. Очень жду Твоих писем, что вы там все делаете? Верно, скука смертная. Становится темно, а огня не дают.

Если можно достать Речь от Вторника (вчера), там Бенуа назвал Архипа малокультурным. Любопытно, что через два дня из Италии статья получилась. Значит, была раньше написана!

Теперь остаётся по моему счёту 5 дней до Твоего приезда. Телеграфируй, когда выедешь, я приеду на пароходе встретить, а то ведь пароход в 12 час. ночи приходит.

Четверг, 8 утра

Приехал в Новгород под проливным дождём. Нашёл два Твоих письма. Кажется, Ты права и Квашонкин ничего не сделает, но уверяет, что нашёл дачу в имении Строгановых. И каменный век там же. Боря здесь с Мешковым. Отчего только 23 можешь выехать. Чем скорей, тем лучше. Боря зовёт пить кофе. О количестве находок Ты тоже права.

Целую и ожидаю.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/301, 3 л.

[16-17 Июля 1910 г. Новгород.]
Письмо Н. Рериха к Рерих Е.И.

Пятница, 11 утра

Дорогой и родной Мисик, сижу и дожидаясь губернатора. Надо устроить, чтобы он дал арестантов для работы. Им платят 60 коп., а рабочим – 1 р. 20 к.; для работы – это разница.

В траншее постепенно выступают очертания старого города, но по правде говоря больше хлама, чем дела.

Макаренко остеклился почему-то за последние дни. Довольно грубый господин. Мешков чудак и пресмешной. Долго сегодня ждал Твоё письмо, так и не дождался. Право, лучше Тебе пораньше выбраться, пока погода не испортилась у нас. Завтра у нас заседание Комиссии. Сейчас 11½ вечера, а в 5½ час. надо встать.

Целую Тебя крепко, всею душою Твой

*Н.
Майчик*

Макаренко предполагает, что к 25-му Июля наши раскопки могут кончиться, так что лучше приехать числа 21-го, чтобы посмотреть дачу и прочее, числа 27-го, 28-го

ехать домой. Приезжай пораньше. Телеграфируй, когда приедешь. Сегодня уже 17-е, значит, по приходе этого письма нужно выяснить. Раскопки числа 25-27 верно кончатся. Значит, жду Тебя.

Н.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/245, 2 л.

[17 Июля 1910 г. Новгород]
Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.

Гапсаль. Эстл. губерн.
Угол Рыцарской и Замковой. Дача Юргенс.
ЕВб. Елене Ивановне Рерих.

На штемпелях даты: 17 июля 1910 – в Новгороде; 19 Июля 1910 – в Гапсале.

Суббота, 2 часа дня

Милый и родной Мисик, сейчас получил Твоё письмо и разволновался. Отчего у Тебя лёгкое недомоганье? Это то, что должно быть, или что-нибудь иное. Сегодня мы выясним, сколько дней нам ещё можно оставаться здесь, но думаю, что уеду 26-27 Июля, вряд ли позднее. Что-то мало находок, а времени для работы не хватает. Боря здесь будет тоже до 26-го. Ездил я на разведки в Холопий Городок; но тоже ничего не нашли. Каменный век как-то лучше! Сегодня встали в 6 час. утра и посреди дня клонит ко сну. Завтра едем опять в Вязицкий монастырь. Добывать для музея изразцы.

Думаю, что княгиня больше не приедет. Ну да Бог с нею – так-то лучше! Лишь бы работа-то состоялась. Находок, значит, мало. Макаренко злится; мне скучно. Хотя бы сохранить часть денег на будущее для Музея!

Напиши, а лучше телеграфируй, как здоровье и когда думаешь выехать. Конечно, показать почти нечего, но дачу не худо посмотреть. Я думаю, в Гапсале возмутительно скучно! Жалею Тебя очень и люблю, и хотел бы видеть скорей. Неужели Мульжа хоть на месяц не может сохранить ум.

Идём опять в Кремль. Деньги (250) верно уже получили?

Твой Н.Р.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/310, 2 л.

[17 Июля 1910 г. Новгород]
Письмо Н.К. Рерих к Рерих Е.И.

Суббота 12 ночи

Милый Мисик, завтра едем с утра на извозчиках в Вяжищи, а потому пишу весточку перед сном. Возвратились из Комиссии; я всячески миролюбиво вёл дело. Новгородцы молчали и ничего не делали. Так и не успели сегодня вычислить по деньгам, сколько дней сможем ещё копать. Уже завтра придётся вечером это устроить. Когда торчишь над ямой с 7 до 7 вечера, имея один час на обед, то ничего не успеваешь сделать. Макаренко сегодня подобрел. Мешков смешит. Конечно, результат работ очень важен, но вещей мало. Теперь в одной траншее деревянные срубы, а в другой каменные здания. Обидно, что может быть отзвонит в СПб. Михайловского. У него сын болен чахоткой и телеграммы плохие. А он как раз ведёт одну траншею.

День простоял отличный, жаркий. Завтра думаю взять в Вяжищи пастели, но удастся ли надолго засесть - не знаю.

Думаю, что Стволонский должен телеграфировать Бреверну, что есть желающий взять некоторые вещи, которые институту не нужны.

Если ещё и дачу не найдём здесь – тогда плохо, не удалось ничто. Меня беспокоит всё, что за недомоганье у Тебя – обычное ли? Так неясно написано. Ну, пора на покой, с 6 утра до 12 веч. - большой день. Целую и ожидаю, а то и нам-то недолго здесь быть. Писем Юрика и Светки не получил. Боря уже спит, но, верно, послал бы поклон. [...].

Очень, очень люблю Тебя.

Н.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/455, 2 л.

[18 Июля 1910 г. Новгород]
Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.

Воскресенье 11 вечера

Дорогой Мисик. Вернулись из Вяжищ. Не везёт нам. Архимандрит врал, врал и ничего нам не дал. Только жарились на солнце и тряслись по ухабам. Михаловский уехал в город проведать сына, которому хуже. Макаренко бедствует о том, что мало находок. Мешков завтра на два дня уезжает. А мне всё это надоело и уж очень я не привык быть без Мися. Не у кого совета спросить,

не с кем поговорить, некого около себя чувствовать своего, родного. Посмотреть бы нам дачу да и ехать домой. Этюдов делать не приходится – неловко бросать одного Макаренко на работе, а вечером в 6 часов, мы так устали и так сожжены солнцем, что нечего и думать куда-нибудь идти. Если бы находки были прекрасны, тогда другое дело, а ещё без особых находок уже не дело, а просто пытка. Сейчас будем подсчитывать наши финансы.

Кажется, их не много остаётся, верно рублей 400. Ну, будем считать. Пришли Боря и Мешков. Покойной ночи Тебе мой родной, единственный Мисик. Хоть бы Мулька Тебе не очень досаждала.

Боря шлёт приветствия.

Твой Ник...

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/461, 1 л.

[19 Июля 1910 г. Новгород]
Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.

Понедельник 9 утра

Милый Мисик, сию вместо Михаловского на траншее. Прохладное утро. Макаренко молит Бога, чтобы хоть грунт показался, чтобы иметь право отступить от этих ям с черепками. Верно, дворцы стояли под поповскими домами. Лучше оставить бы нам рублей 200, да купить на них каких-то древностей. Макаренко говорит, что у него ещё никогда в жизни такой раскопки не было. Чтобы столько выкопать и так мало найти.

Боюсь и за Квашонкина. Что-то много говорит, а делает мало.

А каков Куинджи! Ещё полмиллиона оставил, и хоть бы тысячу на Школу или на вентиляцию. Какая-то страсть всё бросить в руки Крыжицкого. Крыжицкий приписал себе мою мысль обратить мастерскую Куинджи в Музей. Ну, Бог с ним!

Сегодня после завтрака пойду сделать хоть один этюд, а то даже неловко за 3 недели ничего не сделать. Но какое счастье, что я не отложил раскопки на Август. После таких скверных результатов, да прямо в город. А в Старой Ладоге Репников нашёл какие-то особенные вещи, говорят!

Вчера от Тебя письма не было! Сегодня жду.

Понедельник. 7 час. веч.

Письма от Тебя не было. Выяснилось, что Новгородцы не дают денег на раскопки и потому мы решили ехать, тем более, что Макаренко вызывает жена.

Послал Тебе телеграмму. Жду ответ, чтобы не разъехаться. Думаем выехать в Среду вечером. Завтра я съезжу в Шимск осмотреть дачу. Прилагаю письма княгинь. Какое с ними свинство сделали в Р. Музее! Больше писать не буду. Дам из СПб телеграмму о выезде. Очень буду рад увидеть родного Мися. Так ждал сюда. Сегодня 3 недели.

Любящий Тебя горячо *Майчик*

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/462, 2 л.

«Прилагаю письма княгинь. Какое с ними свинство сделали в Р. Музее!...»

16 Июля 1910 г. Талашкино

Письмо М.К. Тенишевой к Н.К. Рериху

16 Июля. 1910. Талашкино.

Добрейший Николай Константинович,

Из ваших писем вижу, что раскопки не удались, что вашу печень снова разрабатывают стадо мерзавцев, поэтому, страдая тоже и печенью, и почками, и нервами, я мудро поступаю, и не еду туда, где придётся злиться, а продолжаю свои воды и начатый режим. Кроме того, не думайте, что, отстраняя себя от неприятностей, я их ухитрюсь избежать, нет, это зло всегда к вам попадёт и уязвит! Я получила от Нерадовского, письмо, в котором он сообщает мне, что совет орлов Музея Александра III постановило - мою коллекцию акварелей развесить и разместить по всему музею с разными другими, а мои залы занять чем-то другим, где же их слово, этих людей, и что станет с целостью моего дара? К чему давать коллекции когда их разбивают?

Дураки и недобросовестные люди не умеют ценить хороших движений души, ведь кроме меня в их музее нет ни единого дара. Лихтенбергское собрание у них куплено Государем, коллекция Гагарина тоже, над ними пусть бы и тешились, а моя должна была бы быть остаться неприкосновенна!!! Да, учат меня служить общественному делу, и, кажется, не далеко то время, что я превращусь в сухую эгоистку и буду права!

Вы не сомневайтесь, что в Новгород я бы с радостью поехала и изучила бы его с вами с большим удовольствием, но боюсь, что моя возмущённая душа в эту минуту плохо зазвучит при виде нашей дорогой старины, а желчь, присоединившись к вашей, только удвоится!

Буду ожидать вас здесь с нетерпением, если можно приезжайте скорее.

Жму вашу руку.

Мария Тенишева

Телеграфните мне, сколько времени вы еще останетесь в Новгороде?
Быть может, приеду.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1393, 2 л.

17 /30 Июля. 1910. Талашкино

Письмо Четвертинской Е.К. к Н. К. Рериху.

17 / 30 Июля 1910 – Талашкино

Многоуважаемый Николай Константинович

Хочу вам сказать два слова: С 20 Мая почти не было дождя у нас; Княгиня удачно пила воды, результат был отличный, брала она ванны «Наугейм дома» и тоже всё прекрасно удавалось, играла в теннис – словом лучше не могло быть. Как вдруг «удивительное» письмо Нерадовского! И у Княгини сделалась нервная экзема, - вот она и отложила отъезд. Авось, пройдёт, принимаем меры. Жму вашу руку и до свидания в Августе в Талашкине.

Кн. Е. Четвертинская

Отдел рукописей ГТГ, ф. 1478, 1 л.

22 июля [1910 г.]

Письмо Рериха Н.К. к Фролову Владимиру Александровичу

№ 4.

22 Июля

Дорогой Володя, пишу о мозаике для Смоленского имения кн. М.К. Тен. Будь добр, пришли мне смету на следующие условия: Размеры 80-82 кв. арш. Наружная мозаика. Часть мелкая, бóльшая часть крупная. Содержание: ~~очень~~ большой Лик Спаса, около него 8 ангелов, с боков города и облака.

Краски (по количеству):

1. все жёлтые, 2. чёрные и зелено-чёрные,
3. красные (в крыльях и верхний город).
4. зелёные (внизу), 5. немного золота.

Так как условие нужно будет сделать со мною, то будь добр, извести меня по адресу: -----

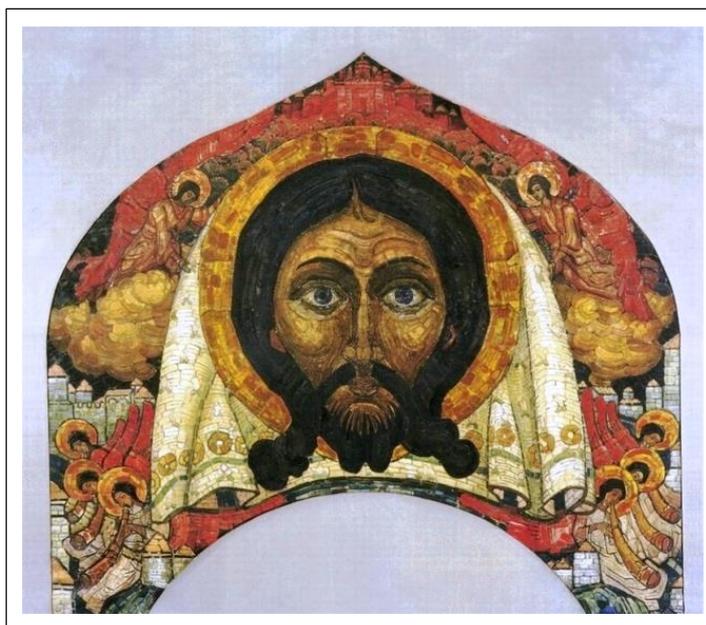
Пожалуйста, дай сметы с установкою на месте со сроками платы. На дорогие условия ~~не могу~~ средств не будет. Можно дать мне две сметы, одну недорогую, принимая во внимание работу ~~лучших~~ хороших мастеров, и другую, самую минимальную.

Работа от 1 Февраля до 15 Июня, чтобы потом поставить. Картон я сам делаю. Работа очень интересная выдающаяся по своему будущему значению и Тебе интересно принять в ней участие, что, конечно и потому на смете, очень надеюсь, отразится Твой духовный интерес к делу.

Петербург. Николаевская 72. Правление дома Бажанова

Прошу телеграфировать, которого числа внесены согласно Вашей телеграмме деньги Русский внешней Торговли Банк

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/100. 2 л. (черновой вариант)

Н.К. Рерих. Спас Нерукотворный. Эскиз для мозаики. 1910.

«ВЕЛИКАЯ ЖЕРТВА». НОВЫЙ БАЛЕТ.

В ближайшем будущем должна появиться интересная балетная новинка.

Академик Н.К. Рерих, молодой композитор (автор «Жар-Птицы») И.Ф. Стравинский и балетмейстер М.М. Фокин работают над балетом под названием «Великая жертва», посвящённым древнеславянским религиозным обычаям. Содержание и обстановка сочинены Н.К. Рерихом. Действие происходит летнею ночью на священном холме.

Обозрение театров. 1910. 17 июля. № 1119. Русская музыкальная газета. 1910. № 32/33.

27 июля 1910 г. Франция

Письмо Игоря Стравинского к Н.К. Рериху

La Baule 19 27/УИ 10

Дорогой Николай Константинович, на днях послал Вам открытку из Bourg de Batz (куда мы направились для развлечения и из любопытства), в которой я обещал Вам написать письмо о последних событиях. Дело в том, что вскоре по приезде моём сюда в La Baule Дягилев телеграфировал мне следующее: «Когда будете в Париже? Необходимо свидание между таким-то ~~днем~~ и таким-то днём». Не предполагаю быть в Париже теперь и не будучи при деньгах (я довольно далеко живу от Парижа) я ему телеграфировал, что сижу без денег и что могу приехать лишь в том случае, если он мне пришлёт денег. Никакого ответа. Я подумал, что он обиделся, что я такой денежный и послал ему 27-го телеграмму с разъяснением что, действительно, я не мог бы приехать за свой счёт – слишком, мол, накладно - никакого ответа. Не знаю, что и думать. Бог с ним в таком роде.

С нетерпением жду от Вас известий. Открытку направил в Гапсаль по адресу: Прибалтийский край г. Гапсаль Рёриху - быть может, дойдёт. Первое письмо послал по Петербургскому адресу и до сих пор не знаю, получили ли Вы его или нет.

Напишите, ради Бога, Ваш адрес как следует, а то я в полном неведении, куда писать и как писать. А между тем, мне очень много есть, что писать о нашем будущем детище.

Пока я в заботах о здравии семьи, в постоянных прогулках и т.д. и т.д. Написал 2 романа на слова Верлена, и в нетерпеливом ожидании либретто нашего балета (т.е. как первоначального так и последующего выработанного Фокиным с нами).

Целую Вас, ибо крепко Вас люблю Ваш dévotié

Igor Stravinsky

Мой адрес: Mauricette, La Baule s/m, Loire Inferieure. Bretagne. France

P.S. Начал набрасывать кое-что для «Великой Жертвы». Делаете ли Вы что-нибудь для неё?

Поклон от Жены и от меня Елене Ивановне

И. Страв.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1340, 1 л.

2 листка из архива Н.К. Рериха:

1.

Праздники весны.

I. Поцелуй земли. (ф.) 10

1. Праздник земли. (Дудки)

2. Старая песнь (дудочник.)

3. Дети ? Гаданье.

(Появление новой группы)

4. Венки.

5. Игра хороводная. (Задирают. Игра умыкание).

6. Идут-ведут (Песнь)

7. Старейший – мудрейший.

II. 1. Тайные игры. (Толпа)

2. Величанье.

3. Прощание.

4. Пауза. (Толпа. Будда).

5. Человечьи – праотцы.

6. Действо старцев.

7. Священная пляска (толпа).

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/39, л. 10

2.

Зазвенела земля золотом, налились холмы травами, а деревья листочками. Радость земле великая, а людям великий пляс и гадание. Собирают цветы солнцу, красному поклоняются.

Сам старейший мудрейший знает больше всех, приведут его сочетаться с землёю пышною, утопчут землю радостью великою.

По священным холмам камни заклятые лежат. В заклятии девушки ждут игры тайныя. Величают, славят жертву избранную. Призовут старцев свидетелей праведных. **Мудрых**

Человечьи праотцы мудрые смотрят жертву великую, воздадут жертву Яриле Прекрасному, красному.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/481, л. 2 об.
